

Ирина Мутовчийская

Владивосток. Хай-шень-вэй

Книга вторая. Нас миллион.
Ресторан у императора.
Экологическая полиция

Ирина Мутовчийская

**Владивосток. Хай-шень-вэй.
Книга вторая. Нас миллион.
Ресторан у императора.
Экологическая полиция**

«Издательские решения»

Мутовчийская И.

Владивосток. Хай-шень-вэй. Книга вторая. Нас миллион. Ресторан у императора. Экологическая полиция / И. Мутовчийская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939324-1

Передо мной стоит сейчас сложная задача: коротко рассказать о семи частях книги, которая объединена общим названием «Хай-шень-вей» Хай-шень-вей, Haishenwai — это низменность, равнина (кит.) А еще Хай-шень-вей — это то место, где сейчас находится город Владивосток. Я люблю экспериментировать, и поэтому все семь частей написаны в разных жанрах. Каждая часть написана в своем собственном, особенном жанре. Лишь две части — «Миллионка» и «Нас миллион» написаны в одинаковом жанре, в жанре приключения.

ISBN 978-5-44-939324-1

© Мутовчийская И.
© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Нас миллион	7
ПРОЛОГ	9
ГЛАВА 1. СИ	12
ГЛАВА 2. ЕЛЕНА	28
ГЛАВА 3. ТОЛИ	29
ГЛАВА 4. СЯЙ-ЛИНЬ	31
ГЛАВА 5. ПАВЕЛ	34
ГЛАВА 6. ЛАРА	37
ГЛАВА 7. СИ	42
ГЛАВА 8. ЛЕНА. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА	46
ГЛАВА 9. ТЕНИ ИЗ ПРОШЛОГО	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владивосток. Хай-шень-вэй Книга вторая. Нас миллион. Ресторан у императора. Экологическая полиция

Ирина Мутовчийская

© Ирина Мутовчийская, 2019

ISBN 978-5-4493-9324-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9320-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Дорогой читатель, передо мной стоит сейчас сложная задача-коротко рассказать о семи частях книги, которая объединена общим названием «Хай-шен-вей»

«Хай-шен-вей, Haishenwai-это низменность, равнина (кит.)

А еще Хай-шен-вей – это то место, где сейчас находится город Владивосток.

Я люблю экспериментировать и поэтому все семь частей написаны в разных жанрах. Каждая часть написана в своем собственном, особенном, жанре. Лишь две части – «Миллионка» и «Нас миллион» написаны в одинаковом жанре, в жанре приключения.

Жанры ужаса, аниме, фантастики, вот те краски, которыми я постаралась раскрасить каждую книгу.

Я люблю героев моих книг. Когда я иду по улицам моего красивого города, я часто задаюсь вопросом, а чтобы произошло, если бы судьба героев повернулась по – другому? Однако книги уже написаны, время от времени я кое-что добавляю, что-то вымарываю, но основная линия истории про Хай-шен-вей и тайный город Чжень остается неизменной. Мой старый друг, старый, не потому, что ему уже около девяноста лет, а потому, что мы знакомы много лет, китаец Вася, который живет в Пекине и является лучшим советчиком по написанию моих книг, говорил мне много раз о том, что китайские туристы считают Владивосток китайским городом.

Вернее, считают землю, на которой стоит Владивосток, китайской. На некоторых китайских картах Владивосток так и именуется – «Юнминчен», а земля, на которой стоит наш любимый город называется «Хай-шен-вей». А теперь давайте пофантазируем, чтобы произошло и где бы мы жили сейчас, если бы тогда, в конце девятнадцатого века, китайский император не подписал бы Пекинский договор, согласно которому большая часть земли, и в том числе земля, на которой стоит Владивосток, не отошла бы русским. Многое приходит мне в голову, когда я иду по улицам и наблюдаю за китайскими туристами. Я спокойна, я знаю, что мои фантазии – это всего лишь домысел. Владивосток – это русский город и так будет всегда! А китайских туристов мы с удовольствием ждем в гости.

А вас, дорогие читатели, я приглашаю побродить по страницам моих книг. Мои книги для всех возрастов. Детям, наверное, будет интересна книга «Юнминчен», она написана в жанре сказки, все остальные книги тоже для людей разных возрастов и интересов. Добро пожаловать в прошлое и будущее Владивостока, и той земли, на которой стоит Владивосток!

Нас миллион

«Продолжение книги „Миллионка “. Действие происходит в 1909 году. Герои книги опять попадают в тайный город Чжень и узнают тайны этого города до конца.»

Нас миллион!

На Миллионке, не сыщешь видимых следов,

Полиция пусть ищет!

В китайской бабе и в ребёнке,

В хунхузе, в маленькой японке,

Есть капля этой Миллионки,

Есть кровь свободы

И законы

Не властны

Город над тобой!

Потому что, Миллионка – это город в городе!

Полицейский меня не поймал,

От него я в трущобы сбежал,

От него в подземелье спустился,

И надёжно я там схоронился!

Миллионка спит, спят ее тайны

Спят захоронки, тайники

В ночи открытия – случайны,

В ночи страдания-мелки

Пусть до утра не все дотянут,

Убили – опий, нож, Сули;

Но те, кто встанут,

Утром встанут...

Назад бы ноги довели!

Продать, купить, ловить и строить,

Украсть, толкнуть, бежать в схорон,

Что ж – это жизнь

И что-то стоит,

И этот плач, и этот стон!

Облава! Весть от дома к дому,

От уха к уху, с глаз в глаза!

Когда-то жил ты по-другому,

Пока не грянула гроза,

Пока не выбросили люди,

Тебя на камни мостовой

Пусть Миллионка домом будет,

И крыша будет, хоть какой!

Хунхузы, приставы, бандиты,

И что ж, от всех теперь бежать?

От драки в кровь костяшки сбиты,

Где б ещё опия достать?!

Как мы живём на Миллионке?

О, мы отлично здесь живём!
От патруля бежим на джонке,
Иль отобьёмся, иль умрём!
В святое, божье воскресенье,
Бредём, ползём, идём сквозь грязь
И в божьем доме на мгновенье,
К иконе хочется припасть,
Забыть про зло,
Что за порогом!
Про то, что некуда бежать,
Про то, что здесь китайцев много,
А русский редко, не сыскать,
Японцы здесь, корейцы, манзы,
Везде звучит чужая речь,
Времянки, сараюшки, фанзы,
Попробуй в памяти сберечь!
Ты уезжаешь! Выпал случай,
Вернутся в стольную Москву,
Но странно, сны так приставучи,
Зовут вернуться в край дремучий,
На Миллионку, в Бред-страну!

ПРОЛОГ

С февраля по май 1909 г. во Владивостоке свирепствовала азиатская холера. Вымерло четверть населения города. Не хватало врачей и медикаментов. Положение было катастрофическим. Особенно жутко было наблюдать за теми больными, кто выжил!

Больные сбивались в стаи и бродили по улицам города. С самого момента возникновения, город имел деление на границы. Границы деления, конечно же, были условными, но они были. Были районы, где жили богатые люди, и были районы для бедноты. И, конечно же, были районы, в которых проживали люди ниже нижней черты бедности. Один из этих районов назывался «Миллионка».

Так вот, больные, переболевшие азиатской холерой, и умудрившиеся остаться в живых, районных рамок и разделений не признавали. Бродили эти выздоровевшие везде. Жители города, те, кто проживал в относительно чистой половине, боялись отходить далеко от своих домов. Как я уже говорила, пережившие холеру бродили стаями, но друг друга не знали, не замечали и не узнавали. Однако, если кто-то, замешкавшись, отделялся от толпы, один из холерных рыком подзывал потеряшку в стаю.

Стаи, потерявших память не узнавали родных и друзей. Холера называлась «Азиатской», но родилась в самом сердце Миллионки, в квартале, где царили скученность и антисанитария. Это уже потом она была завезена на юг Китая одним из заболевших. Китаец приехал на день рождения отца. Он привёз с собой подарки. Привёз все заработанные во Владивостоке деньги и... эмбрион холеры. Пробыл в родной деревне он не долго, всего три дня, но и этого хватило, чтобы заразить всю семью. Уезжая, мужчина пообещал родным приехать через полгода, однако это была их последняя встреча. Ни родных, ни остальных жителей деревни он больше никогда не увидел.

После отъезда мужчины, три близлежащие деревни, маленький городок по соседству и деревня, откуда мужчина был родом, опустели за неполные три недели. Мужчина вернулся во Владивосток. И тут же, прямо на улице, потерял сознание. До Миллионки он не дошёл лишь чуть-чуть. На улицах Миллионки болезнь уже забрала всех, кого можно забрать. Но в центральные кварталы ещё не просочилась, и вот теперь один из заболевших был помещён в госпиталь.

Мор охватил улицы города, как пожар. Холеру прозвали «Азиатской», решив, что китаец привёз ее с юга, из родной деревни, но как вы теперь знаете, все было не так. Персонал госпиталя таял на глазах, умер и врач, который лечил китайца. Умерли две медсестры.

А китаец выжил, и звали его Лю Байши. До болезни Лю жил вместе с братом на Семёновской. В комнате, кроме них, проживало ещё 13 человек.

Лю не помнил момента, когда покинул палату госпиталя.

Он кружил по городу и никак не мог вспомнить, где живёт его брат. Байши был здоров физически, чего нельзя было сказать о его разуме. Наконец, перед его глазами все померкло, но мужчина не остановился и не упал. Наоборот, его движения, кажется, стали более целенаправленными.

Сколько времени прошло с того момента, как разум его выключился, Байши не помнил. Осознал он себя лишь в сумерках. Ноги несли его в неизвестном направлении. Он не узнавал улицу, не узнавал людей, снующих вокруг. Он даже не смог узнать того, кто живёт внутри его тела. Лю не помнил своего имени. Он не помнил ничего.

Вечерело. На улицы Миллионки спускалась темень. Мужчину кто-то окликнул. К этому моменту улицы уже опустели полностью. Было довольно тепло, но туман уже вступил в свои права, и быстро-быстро драпировал грязные улицы в молочно-серый цвет.

Байши слышал чужую речь, но не понимал того, что ему говорят.

А говорили по-русски.

Перед Лю Байши стояли Григорий и друг его, Николай.

Прошло два года с момента последней встречи, но вы без труда узнаете и Гришу, и его друга Кольку. Впрочем, Кольку вы могли и забыть. Вы встречались с ним лишь один раз.

Тогда, два года назад, Колька обманул Гришу. Это был тот случай, когда Кольку несло, и он врал (или фантазировал), не останавливаясь. Результатом его вранья был поход к дому Токунаго, поиски несуществующего доктора и позорное бегство.

Вероятно, Гриша быстро простил друга-фантазёра, иначе мы бы не встретили их вдвоём.

Мальчишки не очень изменились. Лишь в глазах у Гриши застыла тоска. Неделю назад Григорий и Софья простились навсегда со своей бабушкой.

Бабушка ушла спокойно. Она знала, что ее внуки теперь не пропадут.

В доме поселилась печаль. Как ни странно, но больше всех убивалась Лариса, Софья же отнеслась к смерти бабушки почти спокойно.

Перед смертью бабушка попросила Гришу кое-что пообещать. Чуть подумав, юноша дал старой женщине согласие.

Но вернёмся к вечерним улицам Миллионки, к Лю Байши и двум юношам.

Колька покосился на китайца и хотел пройти мимо, но, увидев, что Григорий пытается сдвинуть с места застывшего столбом манзу, вернулся и, брезгливо сплюнув, сказал:

– Гриня, зачем ты это делаешь? Не надо помогать этому ходу! Всех болезных все равно не спасёшь.

– Коль, ты, наверное, не понимаешь! Если его оставить на улице без помощи, то он умрёт до утра!

– Да что ему будет? Ночи в июне тёплые, не замёрзнет!

– Да. Ночи тёплые. Однако... Как тебе объяснить... В общем, я не этого боюсь! Лучше замёрзнуть насмерть, чем...

– А, так ты об этом? Слушай, темно-то как вокруг и жутко! Я... Мне... Ты прав, стемнело что-то очень быстро! Мамка уже наверное охрипла, выкликая меня! Пошёл я домой! И ты, Гриша, иди. Дядька Елистрат не любит, когда тебя дома нет долго. Ну, пошли?

– Иди, Колька. А я китайца с собой уведу. Завтра разберёмся, куда его дальше отправить.

– Да зачем он тебе сдался, нехристь этот?

– Нехристь он или нет, а все же душа живая!

– Ну, как хочешь! Я пошёл! А как ты его заставишь идти? Потацишь на себе, что ли? Он же еле-еле идёт!

– Надо будет, и потащу! Иди, Николай! Раз идёшь, то не мешай!

– Я-то уйду, а вот ты... Да брось его, и пошли домой вместе! Боязно мне что-то! Пошли, а то не успеем!

– Мне бабушка перед смертью наказала... Обещал я ей, что буду помогать всем, кому нужна моя помощь. Дядька Елистрат не погнушался мной, когда я бесновался в беспамятстве! Теперь мой черед помогать несчастным!

– Елистрат возился с тобой, потому что ты спас Лариску от япошки! Иначе стал бы он спасать тебя, жди!

– А не буду я, Колька, больше с тобой спорить! Иди. Уже совсем темно. Ведь не буду сегодня тебя провожать до дома! Мне в другую сторону!

– А ещё другом зовёшься! Променил друга на желтолицего! Брехун – брехушка!

Раздосадованный Колька, видя, что Гриша никак не реагирует на его оскорбления, схватил крупный булыжник и запустил его в Григория. Но... промахнулся.

Камень попал в Байши, но Колька этого не увидел. Он улепётывал со всех ног.

Лю залился кровью. Камень попал ему в голову. Гришка хотел броситься вслед Кольке, но тут же передумал. Байши осел на землю.

– Ну, Колька, ну гад, – запричитал юноша, – поймаю, убью! Китаец, как тебя? Ходя?! Манза?! Мужик, вставай уже! Идти нам надо! В это время нельзя оставаться на улице! Надо бежать домой! Вот, обопрись на меня! Да переставляй ноги! Надо успеть!

Но они не успевали! По подсчётам Гриши, до страшного часа оставалось совсем мало. Минут пятнадцать. И Грише пришлось поменять планы.

Гриша решил, что надо идти к трущобам. Дойти до трущоб они успели.

В трущобах было тихо, прохладно и спокойно. Когда страшные звуки заполнили ночные улицы Миллионки, Григорий и Лю Байши были уже далеко под землёй.

ГЛАВА 1. СИ

Си, Анастасия, очень скучала по друзьям, ведь прошло уже два года с момента расставания. Для тех, кто не читал книгу «Миллионка» или подзабыл события этой книги – напоминаю: Си (Анастасия) – кореянка-полукровка. Отец девочки – русский, мать – кореянка. Книга заканчивается тем, что Си вынуждена бежать из города, в котором родилась. Си преследуют хунхузы. Хунхузы – это китайские бандиты, которые не знают жалости ни к чужим, ни к своим. Что китаец, что русский, что кореец – для них значения не имеет. Отец для хунхузов – грабёж, мать – нажива.

Жалости или снисхождения от краснобородых (хунхузов) ждать было бесполезно.

Хунхузы были твёрдо намерены поймать Си и вытрясти из неё информацию. И вот летом 1907 года Си вместе с проводником и другом Павлом была вынуждена тайными тропами уйти в Китай.

Итак, прошло два года. Си устала от одиночества, и все время думала о друзьях. Особенно скучала она о Енеко, японской подружке с непростым характером.

Семья китайцев, приютившая Си, была странной. У них все время что-то происходило. Впрочем, девочка уже давно ничему не удивлялась. В этой семье все, так или иначе, были связаны с контрабандой. Вряд ли госпожа Петухова, мать Сяй-линь, знала о том, чем занимаются в действительности друзья, к которым она отправила Си.

Девочку никто просто так кормить и содержать не собирался. Анастасия это отлично понимала. На следующий же день, после того, как Павел отправился назад, во Владивосток, она начала работать. Павел пообещал приносить весточки от друзей. За два года Си встречалась с другом всего шесть раз и была более-менее в курсе тех событий, которые происходили в ее городе.

Работа у девочки была простой, но бесконечной. Она сучила и плела верёвки, которыми потом обвязывали контрабандный товар. Рабочий день Си заканчивался в 12 ночи, а начинался в 4 часа утра. Выходных не было. Отдыхали только на обще китайские праздники. Кормили скудно, но так питались все в семье. Си никто не обижал. Но даже такая скудная пища была более обильной, чем та, которой девочка питалась дома.

Однако Си была готова голодать и не спать вообще, лишь бы была возможность вернуться в родной город. Но пока такой возможности не было. Да и Павел куда-то запропастился. Давно вышел срок, о котором сговаривались, а Павла все не было.

А ещё девочка все время думала о книге, которую нашла в подземном городе. О своей книге! Книга звала ее. Книга разговаривала с Си по ночам. Книга продолжала открывать свои тайны и делилась знаниями. Обычно это происходило во сне.

Девочка, не окончившая ни одного класса церковно-приходской школы (не говоря уже об обыкновенной), знала теперь очень много. Так много, что если бы кому-то понадобилось записать все, что знает Анастасия, то одной библиотеки для этих книг не хватило бы. Не хватило бы и трёх и даже шести.

Си скучала по русской речи. Семья контрабандистов не держала в своём домике ни книг, ни газет. Нет, впрочем, одна книга все-таки была, называлась она «Книга перемен». По этой книге гадали. Пытались узнать значение снов. Пытались узнать будущее. Что ждёт, и чем дело закончится. По этой книге учили детей.

В посёлке, где жила Анастасия, было много иностранных представительств. Было и русское представительство. Однако Си не торопилась встречаться с соотечественниками. Никакой вины за собой девочка не чувствовала, однако, на всякий случай, лишний раз в центр посёлка не ходила.

За два прошедших года Си подросла. Стала ещё выше, и ей теперь было трудно затеряться среди толпы. От долгого сидения за работой и боязни быть узнанной, девочка стала сутулиться.

«Посёлок флагов» – место, где жила Настя, имел ещё одно название. На русском языке оно звучало так: «Станция Пограничная».

До постройки КВЖД на территории станции Пограничной было лишь несколько крохотных сел. К тому моменту, когда железная дорога, КВЖД, заработала в полную силу, «Посёлок флагов» превратился в место, где жизнь била ключом. Здесь даже была русская церковь и русско-китайская школа.

Церковь Си посетила лишь один раз и была покорена обходительным батюшкой. Не в пример батюшке Феофану, суровому и не улыбочивому, батюшка Варфоломей был разговорчивым, ласковым и... очень любопытным.

Девочка уже хотела (ах, как хотела!) рассказать доброму батюшке все-все, всю историю своей грустной жизни, но в последний момент отчего-то оробела и смешалась. Интуиция, которая в трупобах Миллионки не раз спасала голодную девочку, не подвела ее и сейчас.

Батюшка Варфоломей не был на службе у хунхузов – упаси боже! Шпионом хунхузов был старший брат китайца Васьки. Васька прислуживал за столом во время трапез четы Верховцевых. Такую фамилию в миру носили батюшка Варфоломей и матушка Серафима.

Уплетая за обе щеки борщ и щуку в сметане, батюшка с упоением рассказывал о странной девочке, которая живёт в чужой китайской семье и не ходит в школу. Девочка русская, но живёт здесь, в этом посёлке авантюристов, без папы и мамы. Матушка Серафима поохала и спросила, как зовут девочку. Батюшка назвал себя старым дураком и признался, что забыл спросить имя девочки.

Матушка Серафима попеняла мужу за его чёрствость и невнимательность. Батюшка со вздохом согласился, и дал клятвенное обещание расспросить девочку обо всем поподробнее, когда она придёт на исповедь.

Но девочка больше не пришла. Это огорчило не только батюшку с матушкой, но и старшего брата китайца Васьки.

Уж очень хотелось ему отличиться перед хунхузами. Не надеясь ни на что, он все же отослал донос тому из хунхузов, который отвечал за сбор дани в «Посёлке Флагов».

Ответ пришёл неожиданно быстро, и содержал приказ: «Найти девочку, следить за ней, но больше ничего не предпринимать».

Старший брат приуныл! Где же искать эту девочку? Посёлок разрастался на глазах. Маньчжуры, ханьцы, корейцы, предприимчивые русские – вся эта туча народа неожиданно хлынула на станцию «Пограничная». И чем дальше, тем больше. Вместе с родителями приезжали и дети, и среди них, конечно, было много девочек.

Правда, положение Си было действительно уникальным – все дети были как дети, и лишь Анастасия приехала одна, в такую даль, и без родителей.

Старшего брата китайца Васьки звали Ванек, таким именем нарекли его русские хозяева. Настоящего его имени (китайского) я произносить здесь не буду. Впоследствии Ванек стал одним из главарей шайки хунхузов, и его имя до сих пор произносится простыми китайцами со страхом.

Итак, Ванек стал искать девочку.

Мимо школы Си проходила много раз, но зайти так и не решилась. Да и что она могла сказать директору школы и учителям? Возьмите меня, великовозрастное чадо, к себе учиться? По-русски я читаю по слогам, зато в совершенстве знаю алфавит чжурчжэней, бохайцев и шуби! А ещё я знаю несколько десятков мёртвых языков.

Языков тех государств, от которых теперь не осталось даже горсточка пыли. И названия этих государств остались только в книге.

Си в который раз прошла мимо здания школы. Было обеденное время. Дети, которые учились в школе, с гомоном высыпали на улицу. Русские дети возвращались домой сами, пешком, китайских детей ждали пролётки и рикши. Родители переминались возле ворот школы, не смея войти внутрь и поторопить неповоротливое дитя.

У Анастасии было несколько свободных часов. Раз в неделю товар увозили в Россию. Естественно, до этого шла подготовка. Большая подготовка. Нужно было тщательно упаковать товар, подготовить коридоры для его перемещения. Перемещения безопасного. Найти людей, которые согласились бы сопровождать товар. Люди должны были быть честными, предприимчивыми и отчаянно смелыми. Товар отправлялся по воде и по суше. За каждую партию отдавался процент хунхузам. И не важно, доходила ли партия контрабанды до того места, где груз ждали, или в пути с контрабандой что-то происходило – хунхузы все равно требовали свой процент.

Так вот, раз в неделю, в момент отправки контрабанды, Си отправляли гулять и велели не возвращаться часа два-три. Китайцу-хозяину совсем не улыбалось, чтобы Настя видела, что именно упаковывают в тюки. А также нежелательно было, чтобы девочка видела того, кто будет сопровождать товар через границу. Конечно, хозяин доверял Си, иначе отправил бы ее назад, во Владивосток, ещё в первую же неделю. Но все-таки... Бережённому Бог бережёт! Эта поговорка, естественно, переделанная на китайский лад, была достаточно популярной на станции Пограничной.

Си была не против отдыха. Она уходила как можно дальше от дома, где жили контрабандисты, и наслаждалась свободой на всю катушку. Дома, во Владивостоке, лето только вступало в свои права, здесь же, в Посёлке Флагов, было уже жарко. Си уходила к реке и долго смотрела на воду, которая текла и текла, не останавливаясь ни на секунду.

Несколько часов отдыха выдавались ещё в конце недели. В этот момент все взгляды домоладцев были направлены в сторону детей. В конце недели приходил учитель. Дети контрабандиста, а их было шестеро, три мальчика и три девочки, в общей школе не учились.

Учитель заставлял детей учить текст «Книги перемен». Текст был сложный, дети не понимали его. Однако отец объяснил детям, что понимать ничего и не надо. Надо просто учить наизусть. Понимание придёт позже. Этот учитель был уже третий по счёту. Двоих предыдущих рассчитали за то, что те были к детям слишком лояльны.

Нынешний учитель был зверем. Особенно доставалось от него старшему мальчику. У мальчика была родовая травма, и учение давалось ему с трудом. Однако отец никаких скидок и поблажек ему не давал. Мальчик очень боялся учителя. Наказание следовало за наказанием. Отец был доволен учителем. Остальные дети, все пятеро, в результате дрессировки уже могли рассказать наизусть почти половину книги. Старший мальчик дрессировке не поддавался.

Настя думала, что на время занятий ее будут отпускать. Не тут-то было. Хозяин предложил на выбор два варианта: или учиться вместе с детьми, или продолжать работу, взяв на себя нагрузку старшего мальчика.

Естественно, что Си выбрала учёбу. Китайский алфавит девочка знала в совершенстве. Книга дала ей эти знания ещё во Владивостоке. Конечно, тот алфавит, которым владела книга, уже немного устарел, однако девочка быстро разобралась в современном алфавите. Благо, основа была!

Си работала вместе с детьми. Работа, которой занимались дети, была монотонной. Каждый из детей чётко знал свои обязанности и не пытался отлынивать от той нормы, которую с вечера назначал отец.

Старшего брата звали Юйлун – яшмовый дракон. Видя, как мальчик боится конца недели и прихода учителя, Настя решила ему помочь. Девочка запоминала то, что объяснял учитель, с первого раза. Так же обстояло дело и с заучиванием «Книги перемен».

Во время бесконечных и монотонных манипуляций с материалом, из которого изготавливались верёвки, Си тихонечко повторяла с Юйлуну то, что было задано на последнем уроке. С шестого раза мальчик начал что-то запоминать. После двенадцатого повтора мальчик знал весь текст наизусть. Остальные дети не вникали в то, о чем говорит старший брат с пришлой девочкой. Юйлун может и был не особенно умным, но зато был самым сильным из детей.

По праву старшего брата мальчик мог бы работать поменьше, но он, наоборот, умудрялся выполнить не только свою норму, но ещё и помочь младшим. И, несмотря на это, дети все равно еле-еле успевали выполнить свою работу. Естественно, что маленьким работникам было не до досуговых разговоров.

Семья господина Чжана – отца детей и хозяина Си, приехала в посёлок Флагов из Шаньдуна. Были какие-то сложные семейные обстоятельства, из-за которых господин Чжан покинул родной город и примкнул к славному клану контрабандистов.

Ванек рыл носом землю. У него, конечно, ещё не было собственных шпионов. Статус был не тот! Да, и, если говорить по-русски, рылом он ещё не вышел, но все же отследить тех, кто приехал из России, было ему не сложно. В Китае, где каждый каждому брат, сват и родственник, где родственные связи очень ветвисты и страшно запутаны, можно даже не посвящать в суть проблемы, а просто попросить по-родственному и тебе помогут. Проследят, подскажут, да ещё и по-родственному объяснят, как лучше подойти к решению проблемы. Си спасло только то, что она приехала не накануне и не год назад. С момента приезда прошло целых два года. Однако положение Анастасии было по-прежнему шатким. Ситуация была уникальной и со дня на день можно было ждать разоблачения. Тем более что господин Чжан был накрепко связан с хунхузами. Даже удивительно, что до сих пор Настю не нашли. Наверно сработала старая народная мудрость, если хочешь что-то хорошо спрятать, спрячь на видном месте. Вероятно, хунхузам просто не могло прийти в голову, что Си живёт в семье у известного контрабандиста.

В тот день девочке нездоровилось. Кружилась голова, ломило в висках и очень хотелось пить! Юйлун замучился носить Насте кружку за кружкой. Жажда не отступала. Наконец Юйлун решил, что кружками дело не обойдётся и принёс... ведро воды. Однако, когда было выпито и ведро, и начали шептаться младшие дети, Юйлун встревожился.

– Госпожа Си, с вами все в порядке?

– Юйлун, – вдруг пропела Си, – я, боже мой! Мой голос вернулся!

– Госпожа Си...

– Юйлун, перестань называть меня госпожой! Не дай бог услышит твой отец, или, ещё того хуже, мать!

Одной из причин того, что Си до сих пор не нашли, было то, что накануне бегства у Си пропал голос, однако хунхузы не знали этого. По городам и весям, вернее по приграничным городкам, был разослан словесный портрет девочки, и одной из главных примет был ее прекрасный голос. В устных и письменных оперативках, было указано и подчёркнуто двумя линиями: Та, которую везде разыскивают, не говорит, как все нормальные люди, а поёт.

– Шаман киданей вернул мой голос, боже мой, я же теперь смогу... Петь! Ах, Юйлун, если бы ты знал, как я пела! Нет, если бы ты знал, как я пою! А хочешь, Юйлун, я сейчас тебе спою? Ты не думай, я не разучилась за два года...

– Госпожа, госпожа, успокойтесь, – юноша встревожено оглянулся на сбившихся в стадо братьев и сестёр, – госп... Си, вам плохо?

– Нет, что ты, мне хорошо! Так хорошо, что... – девочка замолчала, а потом вернулась к тому голосу, которым говорила все эти два тяжёлых года, – что с детьми? Почему они так смотрят на меня?

– Братя с сёстрами просто испугались, – успокаивающе проговорил Юйлун

– Надеюсь, не меня, – засмеялась Си, – Сюли, сестрёнка, ты что, испугалась?

– Ты так резко изменилась, – осторожно прошептала сестра Юйлуна. Она была старшей среди сестёр и обожала старшего брата. – Я никогда не видела тебя такой счастливой и возбуждённой. За эти два года я и голос то твой почти не слышала!

– А зачем вам был мой голос, если мои рисунки с вами говорили?

Потеряв голос, Си обрела другой дар. Она научилась рисовать. Красок у девочки не было. Да они были ей и не нужны. Она рисовала тем, что попадалось под руку. Стеблями растений, комками земли, камнями – в общем, всем, чем можно рисовать. Даже не дотронувшись до предмета, а лишь держа ладонь в нескольких сантиметрах над ним, девочка уже знала, годится предмет для того, чтобы им рисовать, и какой цвет получится. В короткие перерывы она рисовала детям иллюстрации к сказкам. Сами сказки обычно рассказывались, перед тем как заснуть. Дети спали все вместе. Там, в Шаньдуне, у каждого ребёнка была своя спальня, здесь же было не до того. Сказка перед сном рассказывалась не больше пятидесяти минут. Рисунков к сказке было много. За домом был небольшой сад. В саду было крохотное озеро, кривой горбатый мостик, домик-беседка. А ещё там был камень. Согласно учению Фэн-шуй, в любом, даже совсем маленьком саду, должны присутствовать такие элементы как: металл, камень, земля, дерево, вода. Камни для садов были в большом почёте и много стоили. Один император так увлекся, добывая камни, и платя за них бешеные деньги, что даже разорился. Камень был и в саду господина Чжана. Покидая в спешном порядке родину предков, господин Чжан не успел взять с собой много ценных вещей, однако камень он привёз с собой. Си рисовала на камне. Когда поверхность камня была вся зарисована, Настя подзывала детей. Коротко объяснив им, к какому моменту из сказки нарисована иллюстрация, Си давала детям несколько секунд полюбоваться, а потом дети бежали с ведёрком к озеру. Рисунок смывался. Камень сох. Анастасия раскладывала краски из природных материалов, и просила детей отвернуться. Дети отходили к воде и отворачивались, а Си несколькими штрихами начинала создавать иллюстрацию к следующей сказке. Рисунок был готов, дети поворачивались. И все повторялось сначала. Смыв очередной рисунок, дети со вздохом отправлялись в тёмное помещение подвала, где проходили их рабочие дни и ночи.

Единственного человека, которого Си боялась, была жена господина Чжана-Мейли. Имя Мейли переводилось как прекрасная слива. В юности Мейли действительно была прекрасна. Хороша она была и сейчас. Не было в лице госпожи Чжан только одного, выражения безмятежности и покоя. Мейли была всегда во взвинченном состоянии. Ей казалось, что ее супруг больше не ценит и не любит. Днём и ночью Мейли думала о том, что теперь ее муж будет часто посещать весёлый квартал, и вскоре принесёт в дом дурную болезнь или приведёт новую жену. И вот настал день, когда в доме поднялся крик. Никакие увещания и уговоры не действовали. Выли служанки, разбежались слуги, младшие дети жалась к Юйлуну и не высовывались из подвала, даже во время короткого перерыва. В дом созывались подруги Мейли, и спектакль набирал силу. Из любого уголка дома было слышно, как рыдает и причитает Мейли, как сокрушаются и утешают Мейли подруги. Господин Чжан в такие дни из дома не выходил. После того, как уходили подруги, в дом собирались родственники. Родственников было мало, всего около тридцати человек. Основная часть родственников осталась в Шаньдуне. Здесь, в посёлке Пограничном, проживала лишь дальняя родня. В основном это были приезжие. Кто-то потянулся за семьёй Чжан, кто-то приехал раньше.

Кто-то жил здесь раньше, ещё до того, как маленькая китайская деревушка превратилась в станцию Пограничную. Напряжение в семье начинало нарастать по мере того как луна входила в свою полную фазу. Наступало полнолуние, и Мейли переставала спать. И день и ночь весь дом стоял на ушах. Не спала хозяйка – не спали слуги, утром все бродили по дому злые и не выспавшиеся. То там, то здесь вспыхивали ссоры и драки. Несколько раз Си ловила на себе подозрительный взгляд Мейли. Не понимая, чтобы это значило, Анастасия на всякий случай старалась появляться в доме как можно реже. Четверть чашки риса и кусочек рыбы – обыч-

ная пища девочки, начали застревать в горле у Насти под холодным и немигающим взглядом хозяйки. У Си была развита интуиция, поэтому целый месяц она просила Юйлуну носить ей еду отдельно. Обычно она ждала его в крошечном садике на берегу маленького озера. Но случилось так, что однажды интуиция подвела девочку. Начались дожди, и Си решила вернуться в дом. Неделю все было тихо, и девочка спокойно обедала вместе со всеми детьми. Однако скоро тишине и покою пришёл конец. Дети уже доедали свой рис, когда в комнату, где находились Си и дети, вбежала Мейли.

– Дети, где ваш отец? – закричала с порога разгневанная мать, – где этот человек, который лишил меня всего? Несчастливая я, – женщина распалась все больше и больше! Вдруг вцепившись себе в волосы, она истерически зарыдала, – ни матери, ни отца, на чужбине! Ни поплакать, ни пожаловаться! Юйлун, где твой отец, – вдруг совершенно спокойно спросила Мейли, – опять у певичек?

– Мама, ну что вы говорите? – попытался успокоить расстроенную женщину сын, – Отец же предупреждал вас, что у него встреча с поставщиками! И...

– Знаю я его встречи, – Мейли вроде уже начала успокаиваться, но вдруг ее взгляд упал на Си, – а, впрочем, сыночек, ты наверно прав, он, вероятно, действительно занят делом.

Дети вздохнули облегчённо, решив, что сегодня им боятся нечего, и гроза миновала, однако это было только начало

– Да знаю я все, – вдруг снова закричала госпожа Чжан, – зачем ему певички и весёлые дома, если завелась у нас в доме собственная певичка, – Мейли в упор уставилась на Настю, – что, разоблачила я вас? Вы все, все, в заговоре со своим проклятым отцом! – увидев, что мать указывает на них, дети отшатнулись. Самые маленькие начали плакать. – Уже забыли, кто мучился, рожая вас? Неблагодарные! Но тебе, – Мейли подошла почти вплотную к Насте, – все равно второй женой не бывать! Не позволю!

Рыдая во весь голос, госпожа Чжан выскочила на улицу. Вскоре все соседи были оповещены о том, что господин Чжан выжил из ума и решил на старости лет завести вторую жену – безродную сироту. Крик стоял на весь двор и был слышен очень далеко.

После ухода Мейли в комнате повисла тишина, наконец Сюли попыталась успокоить Си.

– Сестрёнка Си, не надо обращать внимание! Через два дня полнолуние закончится, и мама успокоится! Вот увидишь, она даже извинится перед тобой! Она всегда извиняется, когда обижает слуг. Ой! – Сюли хлопнула себя по губам, – Прости! Я не то сказала!

– Конечно, ты сказала не то, сестрёнка Сюли. Си не служанка! Си-гостья! – оттолкнув Сюли, проговорил Юйлун

– Нет, ничего, все в порядке, – оглянувшись на оробевших детей, шёпотом проговорила Си, – я не обижаюсь. Дома, во Владивостоке, я ещё и не такое в свой адрес слышала. Ваша мама больна, вам нужно настоять, чтобы отец вызвал врача!

– Он не станет звать врача, – угрюмо покосившись в сторону кабинета, где работал отец, ответил Юйлун, – врач стоит денег. А что с вашим голосом? Он стал таким низким, вы говорите почти басом, как мужчина!

– Не обращайтесь внимания! Это пройдёт. И.. Наверное, пойдёмте уже в цех, иначе не успеем сделать норму!

Юйлун вышел первым, замыкала колонну Настя.

В отличие от других дней, которые пролетали мгновенно, этот день тянулся мучительно долго. Анастасию бросало то в жар, то в холод. Однако она не жаловалась. Меньше всего, после утренней заварушки, ей хотелось привлечь к себе внимание. Тем более что голос у девочки пропал совсем, и с ребятами она теперь обменивалась жестами или записками. Вечер прошёл тихо. Лишь из хозяйской спальни доносились приглушенные обрывки разговоров. Мейли говорила на повышенных тонах, но в истерику не впадала. Это было счастьем для домочадцев. Полнолуние заканчивалось. Си спала тревожно. Однако не земные дела тревожили ее,

ей снился спуск в катакомбы, снился указатель в виде головы птицы. Она видела Сяй-линь, китайскую подружку, которая пыталась пройти к тайному городу, но дорогу ей преграждала стена. Во сне Си стояла около Сяй-линь, и выслушивала жалобы подруги. Она даже попыталась как-то просочиться сквозь стену, но конечно у неё ничего не получилось. Проснулась девочка от собственного стога. У неё был жар. К счастью, сегодня был день вывоза контрабанды. Значит, несколько часов работы не будет. Настя одевалась долго, озноб так сотрясал ее тело, что она не могла попасть в рукава кофты. Сюли что-то спросила, однако Си приложила палец ко рту и отрицательно покачала головой. Меньше всего девочка хотела, чтобы проснулись все дети и забросали ее вопросами. Было очень рано, однако улицы посёлка не были пусты. Разносчики воды, сборщики мусора и прочий рабочий люд, уже приступили к своей работе. Пройдя несколько метров, Си пожалела, что не осталась в доме господина Чжана, ведь можно было спрятаться в домике-беседке. Однако госпожа Чжан отлично знала все места, где прятались дети. Она могла нагрянуть и попытаться снова усовестить Си. Чуть передохнув, девочка решила, что все же дойдёт до того места, где всегда отдыхала в Дни Вывоза. Как и ожидала Настя, берега реки были пустынно. К тому моменту, когда девочка дошла, солнце стояло уже довольно высоко.

Начало припекать. Настя согрелась и расслабилась. Вода текла, глаза закрывались, однако через час нужно было собираться в обратный путь. К сожалению, День Вывоза не был выходным днём, после обеда нужно было снова приступать к работе. Чтобы заставить себя очнуться, Си погрузила руки в воду, но эффект оказался неожиданным. Сквозь воду девочка увидела гигантские жернова и ступки. Огромное подземное хранилище было заполнено длинными, размером с телегу, мешками, жерновами, ступками, а также ажурными стеклянными подставками. Помещение было мрачным, каменным, холодным и огромным, и подставки никак не вписывались в обстановку. Подставки-пюпитры были не из стекла, как вначале показалось Си, а из хрусталя. Ножи у подставок были железными, но оканчивались хрустальными лапками с коготками. На каждой подставке была книга. Подставок-пюпитров было восемь. Анастасия жадно потянулась к одной из книг. И тут же оказалась в речных глубинах, в помещении, которое увидела сквозь воду. Книга послушно открылась на титульном листе. Из слов, написанных на знакомом алфавите, девочка узнала, что она находится сейчас под впадиной Баоань. Впадина находилась на северо-востоке от посёлка Цзяньсинь. А посёлок Цзяньсинь был где-то... Где-то недалеко от станции Пограничной. Сначала девочка решила, что попала на какой-то склад. Даже запах здесь стоял примерно такой же, что и на складах господина Чжана. Однако чуть позже, осмотревшись повнимательнее, Си пришла к выводу, что место, где она очутилась, на склад все же не очень похоже. Во-первых, здесь был идеальный порядок. Приглядевшись, Настя увидела, что ступки вытянуты в одну линию. Они выстроились как солдаты на параде. Между ступками было одинаковое расстояние. Ступок было около 200 штук, рядом со ступками лежали жернова. Хрустальные подставки разрывали ряды ступок и жерновов. Девочка никак не могла взять в толк, что же все это означает? Нет, со ступками и жерновами было все ясно, что-то похожее она видела у местных жителей. Ступки и жернова были созданы, чтобы что-то перемалывать. Например, зерна в муку. Только вот зачем эти изделия из камня находятся здесь и почему их так много?

Вдруг, как будто услышав немой вопрос Насти, все книги одновременно раскрылись. Си услышала шелест страниц и отпрыгнула. Анастасии не было страшно и отпрыгнула она просто... на всякий случай.

После того, как книги раскрылись, повисла тишина. Постояв несколько секунд неподвижно и убедившись, что больше никаких действий книги предпринимать не собираются, девочка подошла к первой книге, той, которая и позвала ее. Девочке не надо было долго вчитываться, чтобы понять, что написано на странице. Чуть поразмыслив, она подошла ко второму столику, но и во второй книге текст был открыт на той же странице. Третья, четвертая,

пятая книга-весь текст был идентичным. Настя понимала, что книгам что-то надо от неё. Что-то должно произойти, если она вставит ключ... «Какой ключ? – вдруг перебила сама себя девочка, – о чем я сейчас думала?»

Однако момент был упущен, и Си никак не могла вспомнить, что предшествовало мыслям о ключе.

Снова стало знобить, к головной боли добавился страх. Ей стало вдруг жутко, она подумала о том, под каким слоем воды и земли сейчас находится!

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Анастасия снова стояла около воды. Вода ласково журчала, вихрясь и булькая вокруг ног. Си села прямо на траву, которой был густо устлан берег. В ушах стоял звук биения крови.

Когда Си вернулась домой, то есть в дом господина Чжана, первая кто ей встретился, была Яньлинь, младшая из сестёр.

– Сестрица Си, где ты была? Мы тебя по всему дому ищем! Возле озера искали, в беседке искали, возле камня искали, а ещё искали...

Яньлинь – ласточкин лес, была самой непоседливой сестрой, самой младшей сестрой и самой любимой. Все, что не прощалось старшим сёстрам, с лёгкостью прощалось Яньлинь. Яньлинь была младшей из сестёр, но не самой младшей в семье. После Яньлинь у Мейли родились ещё два сына, Хэпин – мирный и Юншен – вечно живой.

Итак, чтобы лучше разобраться в отношениях Насти с детьми семьи Чжан, лучше перечислить их по именам и по старшинству.

Мейли отдала замуж в 15 лет. Когда ей было 16 лет, родился Юйлун.

Через год родилась Сюли, за ней Юнхуа – вечно цветущая. Самой младшей из сестёр, о ней я уже говорила, была Яньлинь. Хэпин и Юншен были погодками.

– Я была у реки, а что случилось, малышка?

– Пришёл большой мальчик, тот, русский, который иногда навещает тебя! Он очень торопился и просил найти тебя! Мы с ног сбились, но тебя нигде не было!

– Павел приходил?

– Да, он.

– А где он сейчас?

– Не знаю, куда-то ушел!

– Яньлинь, подожди, не убегай! Он что-то говорил перед уходом?

– Да, сказал, что вернётся вечером! Ну все, я могу идти? Ты все спросила?

– Да, Яньлинь, иди сестрёнка!

– А я тебе что-то не сказала! Я не сказала тебе! – Яньлинь вернулась и, сунув в руку Си цветок, который только что сорвала в саду, отбежала на несколько шагов.

– И что же ты мне не сказала, маленькая Яньлинь? Может, сейчас расскажешь?

– Расскажу, если пообещаешь сочинить сказку!

– Я и так каждый вечер сочиняю сказки!

– Нет, пообещай рассказать ту, которую я попрошу!

– Хорошо, обещаю, – засмеялась Настя, – а теперь говори!

– Твой друг сказал, что может вечером не явиться. На этот случай он оставил у Юйлуну записку для тебя!

– Юйлун, – прошептала Си, передавая очередную верёвку, – где записка, которую передал Павел?

– Я спрятал ее в спальне. Когда закончим работу, я ее отдам.

– Хорошо. Я надеюсь, что все же увижусь с другом!

– Да, тебе обязательно надо с ним поговорить, что-то с ним случилось, но...

– Что случилось? Юйлун, не скрывай от меня! Что-то произошло с моими друзьями?

– Ты не дала мне договорить, если что-то и случилось, то Павел мне об этом не расскажет. Нужно тебе самой поговорить с ним.

– Да, я очень хочу поговорить с ним, надеюсь, у него хватит времени, чтобы забежать ко мне.

Весь день Настя была как на иголках, но Павел не пришёл.

Ночью, после обещанной сказки, когда все заснули, ей, наконец, удалось прочитать записку.

«Си, пишу второпях, хотелось увидеть тебя, но хозяйский сын сказал, что ты ещё засветло ушла неизвестно куда и тебя не могут найти.

Мне очень надо с тобой увидеться, однако время поджидает. Ну, бог даст, свидимся, а пока запомни вот что: тебя по-прежнему разыскивают. Причём все эти два года поиски шли вяло, но сейчас что-то произошло, и поиски возобновились с небывалой силой. Не спрашивай, откуда я все это знаю. Никому не говори о том, что можешь петь. Разыскивают девочку, которая во время разговора поёт. Не ругай меня за то, что давно не навещал тебя. Со мной происходят странные вещи. Что-то произошло в тот момент, когда я решил, что меня зовут не Павел, а Менъи, и я прихожусь сыном императору Да Цзочжуну. Ты ужаснёшься, увидев меня. Я стал тощим и нервным. Пища не лезет мне в горло и мне становится плохо, когда я долго нахожусь на солнце. Теперь все мои дни и ночи проходят в подземелье. На поверхность я выхожу только в крайнем случае. Здесь, в посёлке Пограничном, у меня есть несколько друзей. Я отсижусь в подвале у одного из них, а вечером, когда сядет солнце, постараюсь навестить тебя. Но есть обстоятельства, которые мне могут помешать увидеть тебя, и тогда я не приду. Да, чуть не забыл, твоя мама сейчас находится в посёлке Хунчун. Это недалеко от того места, где ты сейчас живёшь. Правда, насколько я знаю, это уже другая провинция. В этом посёлке проживает много корейцев. Как мы и договаривались, твоя двоюродная сестра, та, которая живёт в Корейской слободе, время от времени приносит мне весточки от твоей мамы. Теперь ты знаешь, что мама живёт где-то недалеко от тебя, может это как-то скрасит твою жизнь на чужбине.

Не расстраивайся, если не увидишь меня сегодня. Мне нужно будет снова появиться здесь, в Пограничном, через полторы недели. И мы обязательно встретимся! Твой друг, Павел.»

Павел так и не пришёл. Прошло полторы недели и ещё полторы, но Павла все не было. А тем временем жизнь бежала вперёд, посёлок Флагов жил по своим законам и правилам. Очень часто в посёлке вскипала волна паники. Причины были разные, и смешные и страшные. Досужих домыслов было огромное количество. Пошёл слух, что одна из веток КВЖД будет проложена прямо по посёлку Флагов, и русские заполонят город. Все будет как в Харбине. Слух стих, естественно, не подтвердившись ничем. Несколько раз кто-то пускал слух, что к границе двигается регулярная армия, будут вылавливать хунхузов. Коммерсанты, регулярно облагаемые данью, приободрились, но слух оказался лишь слухом.

Приближался праздник Драконьих лодок. Настя была не очень сведуща в китайских праздниках, она и в корейских то была не очень сильна. Зато про русские праздники девочка знала все или почти все. Долгими зимними вечерами, когда делать было нечего, отец вспоминал всю свою жизнь. А как вы помните, в его жизни не последнее место занимали развлечения и праздники. Рождество, Новый год, Масленица, Пасха, да мало ли праздников есть на Руси! О каждом из праздников отец рассказывал с придыханием и в красках. Бабушка Май тоже пыталась как-то просвещать девочку, но память у старушки была уже не та, да и обстановка не очень располагала. Стишки, песни, изречения народной мудрости – это да, всем этим бабушка делилась с внучкой с удовольствием. Борьба с заиканием шла по всем фронтам. И ведь победили же! Корейский эпос Си знала неплохо. А вот праздники, тем более, китайские, нет, не знала. Кое-что она, конечно, видела во Владивостоке. Праздник лодок тоже видела, но вдали от родины предков кое-что в празднике было утрачено. Одна из сестёр семьи Чжан, Юнхуа,

рассказала Анастасии кое-что о празднике лодок. История праздника такова: жил в Китае талантливый поэт, звали его Цюй Юань. Цюй Юань писал красивые стихи, а ещё у него была официальная работа, он работал министром при дворе царства Чу. Кажется, что ещё надо, добился многого в жизни, ну и почивай на лаврах. Так нет же, был Цюй Юань неравнодушным человеком. Царство Чу, казалось лакомым кусочком для империи Цинь. Империя Цинь была не прочь проглотить этот кусочек. Цюй Юань понимал к чему шло дело и активно выступал против того, чтобы Цинь тянула свои загребущие руки к царству Чу. Однако правитель Чу, не только не захотел прислушаться к словам Цюй Юаня, но ещё выслал его из города. То, чего так боялся Цюй Юань, произошло довольно скоро. Царство Чу было захвачено империей Цинь. Вне себя от горя, стеноя и плача, бросился мятежный поэт в реку и утонул. Произошло это трагическое событие пятого дня, пятого лунного месяца. Друзья и почитатели поэта долго искали Цюй Юаня. Они избороздили на лодках всю реку, но все было тщетно, Цюй Юаня так и не нашли. Прошло некоторое время, как вдруг однажды ночью к друзьям явился дух поэта. Дух поведал странную историю. Оказывается, поиски друзей были столь безуспешны, потому что тело Цюй Юаня забрал речной дракон. Просьба духа была столь же необычна, как и сам рассказ. Чтобы отпугнуть дракона, нужно было воды реки подкормить и угостить. Угощением должен был служить варёный рис завернутый в шёлковый треугольный мешочек. Друзья выполнили просьбу духа. Так и повелось, и теперь каждый пятый день пятого лунного месяца по всему Китаю празднуется праздник драконьих лодок. Едят клейкий рис завернутый, правда, в тростниковый лист. А ещё проводятся соревнования лодок-драконов. Нос каждой лодки увенчан изображением дракона, и гребцы начинают готовиться за месяц до начала праздника. Праздник лодок-драконов был выходным днём. Семья Чжан не принимала участие в конкурсе, но посмотреть на соревнования пришли все. Настя не хотела идти, она не любила суету и шум. Хотя раньше, до того, как произошла история с платьем мадам Харуко, она всегда находилась в первых рядах какое бы зрелище не предстояло смотреть. Но все проходит, теперь Си сторонилась любого скопления народа. Ее уговорила посмотреть на праздник Сюли. Поразмыслив и так, и этак Настя все-таки дала согласие, решив, что ей ничего не угрожает! Девочка забыла о своём росте. Праздник уже подходил к концу и люди, уставшие и довольные, начинали расходиться, когда Си почувствовала какое-то неудобство. Несколько раз ей казалось, что сзади, за шею, ее кто-то кусает. Девочка вся извертелась, Юйлун и Сюли осматривали шею, но укусов не было. Так повторялось не один раз. Несколько раз Анастасия порывалась уйти, но друзья уговаривали ещё чуть-чуть остаться. Юйлун первый почувствовал что-то не ладное.

– Госпожа Си, не нравится мне вон та группа мужчин! Один из группы держит какой-то листок, тычет в него и указывает на вас!

– Юйлун, – вмешалась Сюли, – ты что, не узнал мужчину с листком? Это же тот хунхуз, который приходит к отцу за данью раз в две недели!

– Нет, я его не узнал.

– Это потому что он в другой одежде и без шапки! Юйлун, мне кажется, что сестрёнке Си что-то угрожает! Придумай что-то!

– Они пока ни в чем не уверены, – задумчиво проговорил юноша, – и боятся предпринять какие-либо действия! Если нам надо на что-то решиться, то делать это надо сейчас!

– Юйлун, – встревожено зашептала Сюли, – думай быстрее! Они решились и продираются сквозь толпу! Они идут к нам!

– Нет, – вдруг вышла из ступора Си, – ничего не предпринимайте, пострадает вся семья! Я спрячусь у реки, там они меня не найдут! Вечером, если сможете, навестите меня!

– Си, – схватил, уже убегающую девочку, Юйлун, – ты не сказала, где именно тебя искать. Река большая, и берега ее тянутся далеко!

– Яньлинь знает, я однажды водила ее на то место, там удобно спускаться к берегу, и вода тёплая для купания! Попросите Яньлинь, она отведёт вас!

– Беги, Си, – вдруг громко закричала Сюли и бросилась в ноги бандиту.

Си бежала. И опять, как два года назад, ей не к кому было обратиться за помощью. Впрочем, если бы и была такая возможность, девочка не воспользовалась бы ею. Слишком хорошо она знала, какая кара ждёт того, кто помог тем, кто неугоден хунхузам. Си боялась за Сюли и Юйлуна, однако надеялась, что хунхузы не будут связываться с господином Чжаном. Слишком большая прибыль шла им от этой семьи.

Река, к которой бежала Си, называлась Суйфун. У реки было ещё одно название, русское. И называлась река Раздольной. Последние метры девочка преодолела с трудом. Настя понимала, что привлекает внимание местных жителей, ей вполне уже можно было перейти с бега на ходьбу, но сделать ничего с собой не могла. Жители домов, проводив девочку взглядом, уходили в темноту комнат и прятались там на всякий случай. Они давно уже уяснили, если происходит что-то из ряда вон выходящее, значит рядом хунхузы. Однако девочка не обольщалась, она знала о том, что, если начнётся массовый опрос, то люди, которые видели, как девочка убегала, не моргнув глазом сразу же расскажут обо всем представителям краснобородых (хунхузам). Люди давно уже уяснили, что скрывать от бандитов правду смертельно опасно. Анастасия помнила ещё то время, когда хунхузы держали в страхе даже жителей Владивостока. Си была тогда совсем маленькой, но отлично помнила, какой ужас переполнял ее, когда при ней произносили слово хунхуз. Мама Насти до сих пор боится вернуться назад во Владивосток. Хунхузы считают, что ее мама владеет одной важной тайной, которую перед смертью ей открыл умирающий бандит. Мама оказалась нечаянным свидетелем перестрелки, и приняла последний вздох у смертельно раненного бандита.

Добежав до берега реки, Си согнулась в три погибели, пытаясь отдышаться. Июньская трава скрыла девочку от посторонних взоров. Прошло несколько часов. День клонился к закату. Настя напрягала все свои силенки, вслушиваясь в тишину, но вокруг было тихо. Ни друзей, ни врагов. Стало темнеть. Она вспомнила что в полдень, ещё до того, как они отправились на праздник, был накрыт праздничный обед, и Си впервые за полгода наелась досыта. Ее не смущал даже пристальный взгляд домоправительницы. Домоправительница была сестрой госпожи Чжан. По какой-то причине, взяв сестру жены в свой дом, господин Чжан не сделал ее второй женой или наложницей. Сестре была предложена роль домоправительницы. Неудовлетворённость и шаткое положение в семье заставляли Айминь, сестру Мейли, быть чрезмерно строгой со слугами. Ее бережливость переходила все границы. Однако Айминь считала, что живёт правильно. Она, Айминь, бережёт хозяйское добро. Женщина надеялась, что когда-нибудь господин Чжан поймёт, кто является хранительницей дома. Мейли – кривляка и истеричка, давно не обращала на домашнее хозяйство внимания. Она и на детей то собственных обращала внимание только тогда, когда кормила грудью. Как только дети отнимались от груди и получали второе имя, Мейли переставала обращать на них внимание. На праздничном обеде Айминь поела Си глазами. Была бы ее воля, она бы уже давно, под каким-нибудь предлогом, удалила бы девочку из-за стола. Си ела очень мало, однако если бы кто-то из детей попытался указать на это обстоятельство тётке, Айминь бы не поверила. Если домоправительница успевала что-то вбить себе в голову, то переубедить ее было абсолютно невозможно. Иногда это не удавалось даже хозяину, господину Чжану. Айминь считала, что Настя растёт так быстро, потому что отъедается на хозяйских харчах. Однако дети, и вместе с ними Си, должны были слушаться только господина Чжана. Айминь уже несколько раз пыталась приравнять Анастасию к слугам, но обломала зубки. Ни Мейли, ни Айминь не имели права лезть туда, где делался бизнес семьи Чжан. Си работала очень хорошо, и этого было достаточно для того, чтобы быть защищённой от остервенелых женщин семьи Чжан.

Но вернёмся к берегу реки Суйфун, и к высокой девочке, почти девушке, испытывающей голод, тоску и страх. Праздничный обед был давно, а ужина, видимо не предвиделось.

Не было никаких звуков, не было никаких запахов, не было ничего. Мир уснул, маня за собой и девочку. Однако Настя знала, что на закате засыпать нельзя, так говорил папа. Конечно, тишина была не полной. В траве прыгала всякая зелёная мелочь, в воде плескались рыбы. В кронах деревьев тихонько гудел ветер. Однако все эти звуки девочка смогла услышать только тогда, когда успокоилось сердце, и шум в ушах перестал затмевать все звуки.

Стало прохладно, солнце заходило унося с собой тепло. Место, где лежала Си, погрузилось в тень. Девочка передвинулась ловя последние лучики солнца. Вдруг ей послышался какой-то шум.

Си повернулась к тому месту, откуда, предположительно, должны были прийти ее друзья. Однако шум доносился из другого места. Звуки доносились из глубины реки. Казалось, что там, в прозрачных глубинах, ворочается что-то большое и беспокойное. Си отошла подальше от берега. Впрочем, далеко уходить она побоялась, потому что друзья, по ее прикидкам, должны были вот-вот подойти. Найдя поваленное дерево, Анастасия села, так, чтобы видеть все вокруг и не пропустить тот момент, когда дети семейства Чжан, наконец, придут.

В голову лезла какая-то высоконаучная чепуха. Память тут же начала подсовывать целые страницы информации, вычитанные из Книги, но Си досадливо помотала головой. Сейчас ее больше интересовали дела земные. Настя вспомнила тот момент, когда дети семейства Чжан, наконец, перестали дичиться и даже начали называть девочку сестрой.

Юйлун отчаянно боялся. Послезавтра был учебный день. Настя утешала юношу как могла. Урок, который был задан, повторили много раз. Вспомнили и разобрали все, что было на предыдущем уроке, однако Юйлун все никак не мог успокоиться. Ему казалось, что он все забудет, лишь только грозный учитель взглянет на него из-под насупленных бровей.

Братья и сестры попытались вместе с Настей успокоить брата. Это был тот первый раз, когда дети признали право Си находиться вместе с ними.

Учитель пришёл на урок чем-то раздражённый. Первой его жертвой должен был стать Юйлун, но... не стал. Домашнее задание было выучено от корки до корки. Однако радости учителю это почему-то не добавило, наоборот, в глазах мужчины вспыхнул огонь злобы.

В комнате, которую отдали под занятия, повисла тишина. Юйлун стоял, не смея сесть на место, учитель мерил комнату шагами, похлопывая себя по бедру палкой для наказаний.

Смерив юношу уничтожающим взглядом, мужчина велел Юйлуну вывернуть карманы. Юноша повиновался. В карманах не было ничего. Заводясь все больше и больше, учитель стал задавать Юйлуну вопросы. Вопросы касались пройденного на прошлом уроке. Юноша справился и с этим заданием. Однако мужчина распалился уже до такой степени, что его лицо покраснело, жилы вздулись, и на лбу выступили бисеринки пота.

Чуть подумав, учитель велел Юйлуну раздеться до нательного белья. Юноша чуть помедлил, но выполнил и этот приказ. Нагнувшись, учитель поднял одежду Юйлуна и брезгливо наморщившись, встряхнул. Не понятно уж, какой компромат пытался он найти в снятой одежде, но было видно, что настроение его упало ещё на несколько градусов. Хотя, казалось, что ему (настроению), уже ниже падать было некуда.

Юйлун стоял полураздетый и дрожал от скрытого гнева и унижения. В комнате опять повисла тишина. Вдруг раздался визг. Визг был такой силы, что дети закрыли уши.

– Как ты стоишь перед своим учителем? – орал, брызгая слюной и задыхаясь, мужчина, – Где твоё почтение? Где уважение?

Учитель начал бить Юйлуна. Бедный юноша не смел даже заслониться. После нескольких таких попыток, он понял, что учитель начинает ещё больше входить в раж, стоит ему (Юйлуну), сделать попытку как-то защититься!

Избиение продолжалось до того момента, пока в комнату не вошёл отец.

Дети увели избитого Юйлуна. Учителю был предложен чай, состоялась долгая беседа, были вручены подарки. Учителя заверили, что его метод воспитания является лучшим, и муж-

чина пошёл со двора. Был назначен следующий день занятий, но учитель больше не пришёл. Его разбил инсульт. Вскоре родные увезли его из посёлка Флагов.

Господин Чжан не стал выяснять у Юйлуна того, что случилось. Вместо этого он подозревал Яйлинь. Отец ещё не успел задать вопрос, а Яйлинь уже все рассказала. В ее устах все звучало так, как должно было быть в жизни. Добро – Юйлун, было на высоте, и, даже, выучило все-все, от корки до корки! Зло-учитель, было несправедливо и било Юйлуна палкой, хотя брат все-все рассказал, ни в чем не ошибся и не запнулся ни разу!

Отец похвалил любимицу за наблюдательность и подробный рассказ, и отправил к сёстрам. Вечером пришёл лекарь. Юйлун лежал, отвернувшись к стене. Раны тела были смазаны, забинтованы и где-то даже, защиты, раны душевные лекарь лечить не стал. Это был не его профиль. Господин Чжан пришёл к сыну перед сном. Он не стал жалеть Юйлуна, а тем более расспрашивать о том, что произошло. Отец юноши был хорошим психологом, у него был дар понимать людей. Иначе не прожить бы ему, занимаясь таким опасным бизнесом, как контрабанда. На прощание отец лишь погладил сына. Однако и этого было достаточно, чтобы Юйлун понял, отец не сердится и понимает, что учитель поступил несправедливо.

Так как Анастасия была старшей из девочек, ей разрешили ухаживать за Юйлуном. Однако это не освобождало ее от работы. Нагрузка девочки увеличилась вдвое, ведь ей пришлось работать и за Юйлуна. В короткие, десятиминутные, перерывы, Си неслась в дом, чтобы навестить друга. Юйлун категорически отказался от помощи матери и тётки. Юноше было стыдно и больно. Отец подумал и согласился с тем, что навещать его будет лишь Анастасия. Господину Чжану казалось, что Юйлун выбрал Си, потому что она посторонняя. Девочка уговорила Юйлуна разрешить посещение и остальных детей. Братья с сёстрами были очень благодарны девочке – полукровке за такое поручительство.

Со стороны дороги послышался шум, девочка вздрогнула и затаилась, спрятавшись за дерево. Счастью ее не было придела, когда она увидела, кто пришёл. Яйлинь, важная и исполненная достоинства шагала впереди маленькой колонны. Здесь были все дети семьи Чжан. Пришли даже младшие мальчики.

– Си, – смущённо кашлянул Юйлун, – извини, что я привёл всех, это на тот случай, если понадобится что-то принести. Я могу быть занят, ты знаешь, какая сейчас нагрузка, а у младших все же работы меньше. И к тому же у них больше возможности ускользнуть незамеченными.

– Я так рада, что вы все пришли, – перебила друга Настя, – расскажите скорее, чем кончилась история с хунхузами? Они вас о чем-то спрашивали?

– Нет, – выступила вперёд Сюли, – мне кажется, что они нас не узнали.

– Мы всегда такие грязные, – ворвалась в разговор Яйлинь, – ну, тогда, когда эти коробки грузят, и мы помогаем! А сегодня в честь праздника, мне мама даже заколку свою воткнула в волосы! Вот они меня и не узнали, ну и остальных, конечно, тоже.

– Яйлинь, помолчи, – поморщился Юйлун, – у нас мало времени, отец велел, чтобы мы легли пораньше.

Завтра вставать в два часа утра. За грузом приедут рано. Отец ещё не знает обо всей этой истории.

– И что вы будете делать?

– Будем молчать. Распределим твою работу между старшими. Однако если отец спросит, придётся все рассказать. Или... Ты не хочешь, чтобы мы открыли правду отцу?

– Почему же, надо все рассказать! Может господин Чжан что-то посоветует! Хотя... Ну ладно, что будет, то и будет!

– А теперь давайте купаться! – закричала Сюли, бросаясь к воде, – Си, вода тёплая?

– Вода тёплая, но здесь купаться не надо!

– Почему? – удивилась Яйлинь, она уже стащила с ног башмачки и принялась стаскивать верхнюю одежду

– Ну... – Настя беспомощно посмотрела в сторону Юйлуна

Мальчик готов был помочь, но не мог взять в толк, почему же нельзя купаться, если есть время и вода тёплая.

– Там... – Анастасия лихорадочно думала, как отговорить детей от купания именно в этом месте, – там дно плохое, я поцарапалась, и ногу уколола. Давайте отойдём подальше, там лучше дно.

Пока младшие дети купались, старшие показали Си то, что принесли. Девочка поужинала. Вскоре возле берега реки опять стало тихо. Си осталась одна. Помимо еды, дети принесли вещи, которые могли понадобиться девочке для ночлега. На берег реки Суйфун опустился вечер.

Спала Настя тревожно. Прошли те времена, когда она спала на песке у моря и ничего не боялась. Тогда девочка не думала об опасности. Во Владивостоке, на Семёновском ковше, происходило всякое, бывало, что и убивали, но детей никто не трогал. В то время только одна мысль грела девочку: «Вот стащу, (выпрошу, поберу с песка) несколько рыбёшек, и будет у нас с отцом ужин, а может и на завтрак хватит! Но на завтрак обычно не хватало. Папа Си не любил себе в чем-то отказывать. Иногда он даже забывал, что девочке тоже надо кушать и съедал все сам. Когда Настя робко напоминала о том, что тоже голодна, он раздражённо вздыхал. Если добыча Анастасии состояла из трёх рыбин, то ей доставалось на ужин не больше полрыбёшки, и ту отец отдавал с таким сожалением, что у девочки кусок не лез в горло. Вспомнив отца, девочка пригорюнилась. Где-то ее папа? Неужели не вспоминает о своей брошенной дочке? У Насти не было на отца никакого зла. Она воспринимала отца, как большого ребёнка, которого надо кормить, поить и утешать. Девочка горевала только о том, что не сможет помочь отцу, если с ним случится какая-то беда! От отца мысли девочки плавно перешли на мать. Мысль, что мама где-то рядом, грела и помогала жить. Ах, если бы можно было пешком дойти до этого посёлка, как его там назвал в письме Павел, Хунчун. В посёлке Хунчун живёт мама. «Когда появится Павел, я попрошу его проводить меня до этого посёлка», – подумала Настя засыпая.

В четыре часа утра девочка открыла глаза. Резко вскочив, она ударилась о ствол дерева, который был навесом и крышей, всю эту долгую и влажную от росы, ночь. Насте показалось, что она проспала. Выскочив из-под навеса, она начала лихорадочно одеваться в мокрые от росы вещи, и вдруг все вспомнила. Она действительно проспала. Ее друзья работали уже два часа, но с сегодняшнего дня ее это уже не касалось. Спать больше не хотелось. Под навесом сидеть тоже не хотелось и Си пошла к берегу реки. Воды реки светились изнутри. Настя оглянулась. Лес стоял тёмный и неприветливый, а от воды шёл пар. Вода была матово-молочно-перламутровой, и Анастасия пошла к воде. Девочке было холодно и одиноко, и абсолютно все равно, что с ней будет дальше. Однако стоило ей достигнуть берега реки и вступить в воду, как свечение погасло. Через несколько секунд послышался сильный плеск, как будто по воде ударил хвост большой рыбы. Вода выплеснулась на берег. Настю качнуло назад, и она плюхнулась прямо на речные камни. «Ну вот, теперь одежда мокрая не только от росы, – с огорчением подумала девочка, – жаль, что мне не во что переодеться!»

Наконец встало солнце. Си еле дождалась этого момента. Чтобы не думать о солнце и тепле, девочка бродила по берегу реки и читала вслух стихи. Особенно ей нравилось, как звучат стихи на одном из мёртвых языков! Государство называлось Бутрамусс. Жители этого государства звали себя Бутрамуссы, или Муссы. Стихи надо было петь. Музыкальный лад, на котором пелись стихи, был не похож ни на один из ладов, существующих на земле. Если бы кто-то взялся наблюдать сейчас за девочкой, то наблюдатель был бы очень удивлён. Си шла по берегу и беззвучно открывала рот, но изо рта не доносилось ни звука. Беззвучная деклама-

ция продолжалась минут пять, потом Си наклонялась к водам реки, набирала полный рот воды, и продолжала декламацию. Становилось слышно, однако звук навевал жуть. Выплюнув воду, девочка продолжала читать стихи, но все так же, беззвучно. Дойдя до определённого места в стихотворении, Анастасия обвела лес задумчивым взглядом. Ей нужен был листик, сорванный с ветки. Однако дерево должно было быть низкорослым, тонким, и листья с этого дерева должны были просвечивать, если их поднести к свету. Наконец дерево было найдено. Выбрав самый маленький листок, девочка бережно поместила его во рту как мембрану, и снова начала декламировать! Не могу сказать, на что был похож звук издаваемый сквозь лист. Мне просто не с чем сравнить! Звук был очень красивым, но по-прежнему жутким. Декламация была закончена как раз к тому моменту, как встало солнце. Последние слова стихотворения были снова произнесены беззвучно, однако читались они как гимн солнцу. Бутрамусс, государство, в котором был очень сложный фонетический строй, но довольно простой государственный, погибло из-за неурожая. Деревья, которые должны были делиться своими листьями во время долгой декламации, побило градом. Листья были нежными и хрупкими. Град пронёсся по всей стране. Деревья были нужны не только как средство для чтения вслух. Листья употребляли в пищу, листьями лечились. Государство Бутрамуссы состояло из людей, которые питались только растительной пищей. Народ Муссы питался только листьями и плодами дерева Бутрамусс. Сейчас этих людей назвали бы вегетарианцами. Все это Си узнала из книги, которая находилась во Владивостоке, в катакомбах, недалеко от Семёновского ковша. На третьем подземном уровне. В тайном городе Чжурчжэней.

Гимн солнцу был пропет. Пропет на языке народа Бутрамуссы. Си доела остатки пищи. Сегодня был будний день, но Юйлун обещал, что возьмёт на себя нагрузку кого-то из детей. Кто-то один потихоньку уйдёт из подвала, чтобы отнести Насте ещё еды. Однако это, скорее всего, будет вечером. Что же, девочке было не привыкать, бывали времена, когда она ела один раз в два, три дня.

Становилось жарко. Си вошла по колено в воду. Ей хотелось опять очутиться в помещении со ступками, жерновами и книгами. Анастасия была заинтригована, ей никак не удавалось проследить взаимосвязь между книгами и остальными предметами. Однако огромный зал, находящийся под впадиной Баоань, не желал сегодня открывать свои тайны перед девочкой. Настя смотрела в воду долго-долго, пока не заболели глаза. Ничего не менялось. Лишь рыбёшки подплывали поближе к ногам и удивлённо замирали, не понимая, откуда вдруг взялись эти колонны. Стоило девочке пошевелиться, как рыбки прыскали в разные стороны. Река и лес жили своей повседневной жизнью, тайны прошлого не интересовали обитателей реки и леса. Каждый из них был занят самой главной задачей в жизни – выживанием! Затрещали ветки, девочка дёрнулась чтобы убежать, но от неожиданности запнулась за корягу и упала в воду. К счастью, река была не глубокой. Здесь, у берега можно было купаться без опаски, а вот если зайти в воду чуть глубже, течение могло запросто унести, а ещё были водовороты и ямы.

– Я здесь место приметил, – Си услышала голос мужчины, и говорил мужчина по-русски, – рыбалка будет отличной!

– А что, – в разговор вступила женщина, – поближе места не нашлось? Я уж думала, что ты решил таким образом добраться до Никольска – Уссурийского!

– Все шутишь? – хохотнул мужчина, – сама же просила увести тебя куда-нибудь подальше от посёлка!

– Но не так же далеко!

– Ладно, – снова засмеялся мужчина, – в следующий раз найду местечко поближе! Хотя...

Ну чем тебе здесь не нравится? Твой муж нас точно здесь не найдёт!

– Не надо о муже... Ой, – женщина взвизгнула, – сними его с меня, сними!

– Ну вот, – огорчился мужчина, – всех рыб перепугала! Разве же можно так бояться? Это же был лесной паучок! Ты разорвала его паутину!

– Ты что, – судя по голосу, дама разобиделась не на шутку, – действительно сюда рыбачить пришёл?

– Ну, и рыбачить тоже, – послышался звук поцелуя, – но рыбку половим попозже! А сейчас... Доставай-ка одеяла...

– Нет, мне здесь не нравится! – закапризничала женщина, – вдруг на меня опять паук нападёт! Давай найдём место подальше от деревьев!

– Но... Как же... Тут рыбалка и... Ну, тихо, и знакомых никого рядом! Заросли же... Ну, и муж твой, соответственно, не сможет нас найти!

– Да оставь ты мужа в покое! – завизжала женщина, – Все, я передумала! Ничего я не хочу! Давай вернёмся в посёлок!

– Ну как же... Я же... Может, передумаешь ещё? Ну, куда ты? Посёлок в другой стороне.

Настя замёрзла и устала. Ноги ее затекли и дрожали. Вода в реке не была холодной, однако одно дело, когда ты купаешься, а потом можешь позагорать на солнце, другое дело, когда... Настя так перенервничала, что не могла заставить себя сделать шаг. Наконец, с трудом выбравшись на берег, она бросилась на прогретую солнцем траву и заплакала. Прятаться и таиться уже не было сил. Не зная за собой никакой вины, девочка все же должна была помнить все двадцать четыре часа в сутки о том, что ей надо прятаться, прятаться, прятаться!

Постепенно дрожь прошла, но слезы не иссыкали. Вдруг девочка услышала голос, который так любила. Голос смеялся и утешал: «Озеро наплачешь, а потом сама в нем и утонешь! Не плачь золотое дитя, осипнет голос, как говорить будешь?»

Золотым ребёнком звала девочку бабушка Май, мама ее мамы.

А голос продолжал звучать в голове: «Пой, моя хрустальная птичка! Когда хочется плакать – пой! Когда была ты крошкой, прилетал Феникс. Птица Феникс угольком знак начертала на горлышке у тебя! И теперь ты, как Феникс, должна всегда восставать из пепла! Помнишь легенду о Фениксе? Легенду о птичке, которая восстает из собственного пепла? Конечно, помнишь! И тебе предначертано тоже самое! Будешь петь – будешь жить! Перестанешь петь, погибнешь окончательно!»

Так говорила бабушка Май. И сейчас, много лет после того, как бабушки не стало, слышала Си старые истины и не верила своим ушам. Однако голос звучал не внутри девочки, голос доносился из реки. Голос шёл из леса, вырывался вместе с дыханием из-под речных камней, голос шёл отовсюду!

Голос бабушки отдалился, так бывало, когда старая женщина, что-то делала по хозяйству и одновременно утешала внучку, голос сливался с шумом реки, трепетаньем листьев на ветру. Убаюканная звуками природы и ласковым голосом бабушки, девочка начала засыпать. Но дрёма ее была краткой. Раздался стук, и Си оказалась перед открытой книгой. Вернее, книг было восемь. И все они открылись на одной странице. И опять, как в прошлый раз, Настя все отлично осознавала. Она понимала, что находится одновременно в двух местах: в гигантском зале, глубоко под землёй, и на берегу реки Суйфун. В какой-то момент девочку взяло сомнение: может здесь, под землёй, находится лишь душа, дух, а тело там, спит на берегу реки? Однако все было не так просто. Анастасия, действительно раздвоилась. Она была во плоти здесь, рядом с книгами и там, у кромки леса.

Наконец решив, что мучиться и волноваться бесполезно, девочка решила сосредоточиться на книгах, а все остальные мысли и догадки оставить на потом.

ГЛАВА 2. ЕЛЕНА

Я ненавижу морковь. Во всех видах ненавижу: жареную, варёную, тушёную – любую! Нянюшка Ларисы давно поняла это и старается пронести морковь мимо меня как можно быстрее. Соня-сестра Гриши, тоже девочка наблюдательная, но в отличие от нянюшки решила извлечь из моей фобии выгоду. Если няня не добавляет морковь в какое-либо блюдо, Соня отказывается есть. Я не вредная, просто у меня начинается непроизвольная тошнота и рвота, если поблизости от меня находится морковь.

И совсем не обязательно, чтобы морковь была в пище. Если положить этот оранжевый овощ рядом со мной, то можно считать, что день испорчен. Зловредная девчонка довела меня до того, что я стала питаться лишь хлебом. На моё счастье, туда морковь добавить нельзя. Хотя Софья пыталась. Однако ничего у неё, конечно, не получилось.

Да, простите, что ворвалась в повествование и не представилась. Меня зовут Елена. Один из моих дальних предков был представителем народа Шуби. В минуту опасности, я могу перемещаться на довольно далёкие расстояния. Например, в Харбин. Два раза я была на грани гибели. Два раза, в последний момент, невидимые крылья переносили меня в китайский город Харбин. Почему в Харбин? Я не знаю. Почему не в Петербург или в Москву на худой конец? Или в какой-то другой город Российской империи? Почему? Ну, наверное, потому что... Нет, не знаю, нет у меня объяснения. Пока, нет. Жизнь моя течет вяло и скучно. Я несколько раз просила дядю Елистрата найти мне работу. Однако отец Ларисы считает, что мне работать ещё рано, так же, как и Грише. С того момента, как я поселилась в семье Ерофеевых, прошло почти двадцать четыре месяца. Два раза в неделю приходят учителя. Для Софьи и Ларисы выделены классные комнаты на втором этаже, для нас с Гришей – на первом. Два года назад у нас была общая классная комната, но Сонька все время рвала мои тетради, и рисовала каракули в учебниках. Дядя Елистрат повздыхал, пошептался с нянюшкой и освободил одну из комнат, которая принадлежала раньше матери Лары. Первые несколько месяцев учение шло со скрипом, а потом мне понравилось учиться. Гриша не любит говорить о своих успехах. Он стесняется. Мой друг считает, что ему нужно работать. Он все время чувствует себя скованно и считает, что в долгу у дяди Елистрата. Удивительно, но Лариса учится кое-как, зато Софья у нас домашняя звезда! Попробуй не похвали ее! Будешь злейшим врагом на всю оставшуюся неделю. Пока была жива бабушка, на девочку ещё была какая-то управа, теперь же все жалеют бедную сиротку и боятся сказать ей слово поперёк! Иногда, когда жизнь в доме становится особенно невыносимой, я ухожу в катакомбы и брожу там сутками. Дядя Елистрат раньше волновался и отправлял на поиски Гришу, теперь же смирился. Я брожу по подземелью и все ищу камень-птицу. Камня нет. Нет дороги к тайному городу. Лишь изредка мы встречаемся все вместе, Сяй-линь, Павел, Гриша и я. Вместе нам весело и хорошо, но встречи очень редки. Сяй-линь учится с утра до вечера, Павел все время в пути. Редкие минуты отдыха он проводит под землёй. Как я узнала, он все реже и реже поднимается наверх. У Павла что-то с глазами. Они (глаза) не переносят дневного света и солнца. Сяй-линь усиленно готовят к роли жены. Мама нашей подруги ведёт переговоры со свахами. Вчера даже геоманта приглашали. К счастью, небесные знаки у жениха и невесты не совпали, и подруга на какое-то время вздохнула облегчённо. Карта клада по-прежнему лежит в укромном месте. Несколько раз в месяц я проверяю на месте ли она. Мама с папой так и не вернулись. От них нет весточки. Родственники, которые живут на Эгершельде, знают, что я жива. Гриша часто приносит от них весточку, но сама я пока не решаюсь их навестить. Мы скучаем по отбывшим в дальние края, подругам и друзьям. Нам не хватает Кенрю и Енеко. Мы тоскуем по Толи и Си.

ГЛАВА 3. ТОЛИ

Здравствуйте, я – Толи. Надеюсь, вы не забыли меня? С меня началась история о подземном городе чжурчжэней; мной, к сожалению, и закончилась.

Очень жаль, что я не смог попроситься. Не успел. Но вины моей в этом нет. Из Японии, страны, где родились мои родители, и где я никогда не был, пришло предписание. Согласно предписанию, вся наша семья в двухдневный срок должна была покинуть Владивосток и уехать на родину предков. Билеты прилагались.

Тогда, два года назад, мне было пятнадцать лет, теперь, соответственно, семнадцать.

Я не буду рассказывать о своём разочаровании и тоске. Совсем не такой я представлял страну, где жили мои предки.

В первые месяцы пребывания всех нас, за исключением дедушки, затаскали на допросы. Или, как любил говорить один из тех, кто допрашивал меня, на «беседы». «Беседовали», невзирая ни на какие обстоятельства.

Когда заболела мама (вернувшись из Владивостока, она снова начала кашлять), за ней приехали двое военных в белых халатах. С носилками. Таскали на допрос и Енеко. Дедушка крепился, сколько мог. Однажды он не выдержал, и послал письмо старому другу. После этого маму и Енеко оставили в покое. Вскоре перестали таскать на допросы и отца. Дядя Кенрю, и я остались объектами подозрения и недоверия.

Я рассказал все без утайки. И про подземелье, и про город, и про книгу. Утаить хоть что-то было просто невозможно. Секретный отдел обладал огромным арсеналом и средствами развязывать языки.

Об этом мне поведали ещё на первом допросе.

Ни у меня, ни у дяди абсолютно не было никакого желания быть подвергнутыми допросу первой или второй степени.

То, что проделывали с нами на протяжении года, называлось допросом нулевой степени.

Один из следователей бил меня по лицу, когда в моем рассказе появлялась информация о книге. Он кричал, что я – лжец!

Другой следователь велел вогнать мне иголку под ноготь, когда, наученный горьким опытом «беседы» с предыдущим следователем, я попытался утаить информацию о подземелье, камне птице, пропавшей стене и книге.

Однако вот что удивительно: стоило мне только в своём рассказе дойти до того момента, когда двое русских догнали японца, похитившего девочку, как мои тюремщики поменялись в лице и отказались слушать мой рассказ дальше.

Стопку бумаги и ручку мне вручили почти с почётом. Стоило мне дописать лист, как его почти вырывали из рук. Я сам видел, как мою писанину запирали в сейф.

Когда я писал, двое сотрудников секретной службы, рангом ниже того, кто меня допрашивал, просто поедали меня глазами.

Когда отчёт был закончен и один из сотрудников вошёл в кабинет, чтобы сопроводить меня до автомобиля, я увидел страх в глазах того, кто держал в руках стопку исписанной бумаги. Сотрудник старался держать листы так, чтобы невзначай не зацепиться взглядом за написанное мной.

Обо всем этом я рассказал дяде. Посоветовавшись, мы выработали план.

И, согласно плану, все время возвращались в своём рассказе к событиям с девочкой Ларисой, и японцем, похитившим ее.

Бить нас перестали, зато после каждого допроса нам предписывалось заполнить гору листов. Вскоре на пальце появились мозоли. Допросы стали более редкими, а потом совсем прекратились.

Так прошёл год и ещё шесть месяцев. А тем временем здоровье мамы все ухудшалось. Врачи лишь разводили руками.

Положение опять спас друг дедушки. Как уж он действовал, и какие аргументы приводил, не знаю, но через год и восемь месяцев после приезда в Токио, нам было разрешено вернуться во Владивосток.

Страну предков я покидал без сожаления. В школу в Токио я не ходил, друзей не завёл. А что же книга, вернее, лист из книги, спросите вы?

Да ничего, отвечу я вам! Абсолютно ничего! Вдали от книги лист превратился в мятый и пожелтевший от времени листок. Вернее, обрывок листа.

Обратный путь в город, где я родился, занял некоторое время, но все же, время, проведённое в пути, летело быстро. До Токио мы добирались дольше и тяжелее. Или мне это просто показалось?

Родной дом встретил нас запахом сырости и треском разошедшихся полов. Мебель и вещи должны были доставить позже. Домоправительница, которая осталась во Владивостоке и забрасывала нас жалостливыми письмами, встретила маму почти со слезами. Началась суета, слезы, восклицания! Пока женщины охали и ахали, я полез в баул, где лежали мои старые учебники, и поймал понимающий взгляд дяди. Зная домоправительницу, я побоялся, что она выкинет лист, когда будет расставлять книги на полке.

Руки мои дрожали, когда я доставал лист. В какой-то момент мне показалось, что лист тоже вибрирует. Однако я быстро понял, что это лишь иллюзия.

Лист был... Нет, не мёртв, нет, лист спал. Счастье и восторг переполняли меня, и я не желал думать о плохом. Но... Страница из книги была такой... Поникшей, несчастной и старой!

Дядя аккуратно взял страницу из моих рук.

– Токагава, не расстраивайся! Все будет хорошо! Пойдём, прогуляемся! Посмотрим, изменился ли город, навестим твоих друзей!

– Да, пойдём! Все равно тишины в доме до вечера не предвидится! Однако... А что с листом делать? В карман его не положишь, помнётся!

– Положи назад в книгу! А книгу поставь на полку.

– Как хорошо, что все в нашей комнате осталось на местах, да, дядя? Только книги на полку поставим, да кровати перевернём, и будто бы не уезжали!

– Я рад, что ты так быстро забыл обо всем плохом! И... Что там такое? Кто-то плачет?

– Это Енеко. Кое-что не меняется и, кажется, не изменится никогда!

– Пойдём, племянник! Сейчас придёт твой отец и начнётся сеанс внушения.

– Пойдём. Только... Я хочу сказать, что папа уже не такой как был, он изменился, правда?

– Мы все изменились, хотя на первый взгляд это не заметно.

– Дядя, а куда пойдём?

– А кого бы ты хотел увидеть первым?

– Павла!

– Павла... Гм-м... Ну ладно, пошли к Павлу.

ГЛАВА 4. СЯЙ-ЛИНЬ

Вчера мой папа, Петухов Иван Петрович, пришёл в плохом настроении. Все ему было не так. Мама сбилась с ног, пытаясь угодить, но ничего не получалось. Чем больше суетилась мама, тем раздраженнее становился папа. Дело кончилось тем, что папа ушел в свой кабинет хлопнув дверью. Папа – главный врач одного из отделений госпиталя. Как только началась азиатская холера, мы стали видеть папу все реже и реже. Мама тоже раньше работала в госпитале, там они с папой и познакомились. Сейчас мама не работает. Она главная в нашем доме. Папа не возражает. Он давно уже ни на что не возражает. У него просто на эмоции нет сил. Вечером он приходит выжатый как лимон, с трудом выслушивает мамины новости и отправляется... Нет, не спать. Папа идёт в кабинет, думает, как победить холеру, и пишет отчёты. Азиатская холера, которую так боятся люди, не хочет сдавать своих позиций. Прорывав свою страшную работу на улицах Миллионки, холера перекинулась на остальные слободки города. Слуги, а их у нас было трое, старались в дни, когда папа приходил сам не свой, двигаться как можно тише и вообще становились абсолютно незаметными. Незаметными до такой степени, что иногда их вообще невозможно было дозваться! Я девушка современная и понимаю, что эксплуатация слуг – это зло, но иногда без ловких рук моей служанки и наперсницы, Кати, я просто не могу. Катя тоже китаянка, но папа, которого раздражают подчас непроизносимые китайские имена, дал девочке русское имя. Так и повелось. Я даже уже и не помню, каким именем нарекли Катю родители при рождении. Катя моя дальняя родственница, так же, как и остальные двое слуг. Папа не возражал, когда по просьбе мамы, много лет назад, они, все трое, приехали из Китая. Катя осталась сиротой и кочевала из семьи в семью, когда мама решила, что мне нужна служанка. В Кантоне жили двоюродные племянники моего китайского дедушки. Брат и сестра. Они были на десять лет старше Кати, но тоже, вследствие трагических обстоятельств, остались сиротами. Когда мне исполнилось три года, вся эта троица дальних родственников поселилась у нас. Мама всегда помнила, что Яша, Наташа и Катя – ее дальние родственники, но поблажек родственникам не давала. Да собственно, им и не нужны были поблажки, слуги работали не за страх, а за совесть. Брату и сестре имена придумала мама. Нам вполне хватало того, что делали по дому слуги, потому что мама тоже никогда не сидела без дела. Единственной бездельницей в этом доме была я. Мои руки никогда не держали ничего тяжелее кисточки для каллиграфии и карандаша. Однако если у слуг были выходные, то у меня их не было. Я училась круглый год. От зари до зари. Помимо тех уроков, которые мне задавали в гимназии, в мои обязанности вменялось вести все счета в доме, два часа со мной занималась мама, шесть часов отрывал от своей работы Яша. В тот момент, когда в его семье произошло несчастье, Яша был лучшим учеником школы «Рука Будды». Учитель школы возлагал большие надежды на Яшу. Вот-вот должны были объявить о том, что учитель берет лучшего ученика в сыновья, но произошла трагедия, и брат с сестрой были вынуждены бежать из Кантона. Яша преподавал мне технику боевых искусств. Папа был против такой учёбы, но мама настояла на своём. Поразмыслив, папа со скрипом, но дал своё согласие. В городе было неспокойно, и никакое оружие (а боевые искусства были именно оружием), было не лишним. Единственное, что смущало папу – это статус Яши. По его мнению, если Яша становился учителем для меня, то не пристало ему заниматься теми делами, которые делают слуги. Мама оставила этот вопрос на рассмотрение Яши, но Яша заявил, что останется слугой. Одно другому не должно мешать. Так и повелось, шесть часов в неделю Яша был для меня учителем, остальные часы он использовал для работы по дому. И никого это не смущало. Яша просил лишь об одном. Техника, которой он обучал меня, была секретной, она передавалась от отца к сыну. Все ученики школы получали знания в полном объёме, но ключ от секретной техники мог получить только сын или лучший ученик. Яша владел этим ключом. Он обещал, что через год этим

ключом буду владеть и я. Я гордилась своими успехами, но мне и в голову не пришло бы болтать о своих занятиях или хвалиться перед подругами. Но вернёмся к папе и его скверному настроению. Азиатская холера добралась до врачей и персонала госпиталя. Папа подумывал о том, чтобы отправить нас с мамой к родственникам в Китай, пока все не успокоится. Однако я была категорически против. Я отлично знаю, что девушки в китайский семьях ведут себя тихо и не возражают родителям, но, во-первых, моя семья особенная, а во-вторых... Один раз я уже уезжала из Владивостока в Китай. Полгода назад мама решила, что мне пора подыскивать жениха. Геомант и сваха сбились с ног, но здесь, во Владивостоке, подходящего жениха для меня не нашлось. Отыскался жених в Китае. Город Шеньян – большой город. Во время каникул мы вместе с мамой приехали погостить. Жили мы у родной маминой сестры. Однако цель поездки у нас была более широкой, чем просто отдых в кругу семьи. В Шеньяне проживала семья моего будущего жениха. Юношу я конечно в глаза не видела, этим, не смотря на моё сопротивление, занималась мама. Геомант, который проживал в Шеньяне, был многозначительным и загадочным. Жених походил мне по всем параметрам. Так считал геомант. Наши знаки были в гармонии, наши фамилии были разными. Семья будущего жениха была богатой, и мама уже сейчас умилялась и плакала от счастья. Я ничего поделаться не могла. Меня просто никто не слушал. Дома, во Владивостоке, я упивалась революционным ветром свободы. Тайком посещала несколько кружков. Мои друзья проводили диспуты, спорили и говорили о том, что так дальше жить нельзя. Надо что-то менять! Здесь же, в Шеньяне, царило какое-то средневековье! Я никак не могла понять свою маму. Мне было невдомёк, зачем ей надо, чтобы я вышла замуж за незнакомого парня и жила не в России, а в Китае. Так далеко от семьи и друзей! Мама не шла на разговор, лишь ругала меня за непослушание, но однажды все же не выдержала и раскололась! Оказывается, жизнь в богатой и обеспеченной семье – это мечта моей мамы! Судьба заставила маму уехать в чужую страну и выйти замуж за достойного, но все же, чужого человека. Инородца. Человека другой национальности. Русского. Мама никогда не высказывала своих предпочтений и тоски по родине, и я была удивлена, услышав обо всем этом сейчас. Я пыталась объяснить маме – то, что она задумала мне не по душе! Это не моя судьба. Ту судьбу, которую не смогла прожить сама мама, она примеряла на меня сейчас. Я металась как птица в клетке. Катя осталась во Владивостоке и мне не с кем было поделиться своими переживаниями. Семья жениха прислала нам своих слуг. Восемнадцать человек день-деньской крутились вокруг нас, не давая ни на минуту остаться в тишине и одиночестве. Наконец мы обменялись дарами и отправились знакомиться с семьёй жениха. Жениха я так и не увидела, зато познакомилась со всей остальной семьёй. На моё счастье, семья была передовой и здесь мне рот не пытались заткнуть! Наоборот, все время вовлекали в разговор. Ну, я и разговорилась! Разговорилась настолько, что свекровь на утро, после встречи, отослала наши подарки назад и стговор был расторгнут. Я конечно виновата в том, что не была сдержана. Мама не разговаривала со мной вплоть до самого возвращения на Родину. Каюсь, я виновата. Я отлично знаю, как должна вести себя воспитанная девушка на первом знакомстве с родителями жениха. С пяти лет, каждую неделю, мама проводила со мной беседы и уроки на тему, как должна вести себя воспитанная девушка в семье будущего мужа, однако я должна была выиграть битву за свободу. И я выиграла ее! А какими средствами была достигнута победа, это уже дело второе! Папа встретил нас с тревогой, но быстро успокоился, узнав, чем закончились дела, связанные со сватовством. Папа всегда считал, что мне ещё рано думать о замужестве, но с мамой не спорил и своих мыслей на эту тему не высказывал. Мама неделю ходила злющая – злющая, но постепенно все пришло в норму. Вопрос о замужестве остался открытым.

Вчера я встречалась с Леной. В жизни моей подруги почти ничего не изменилось. Лена скучает по родителям и тяготеет жизнью в семье дяди Елистрата. Что-то там неладно.

Вчера встал вопрос о том, что я уже невеста и мне надо принимать участие в жизни светского общества города. Мама считает, что нам нужно купить дом в центре города. Спору

нет, дом в котором мы сейчас живём, просторный и уютный. Все дома в Докторской слободе построены так, чтобы врачам и их семьям было удобно жить. Однако мама считает, что это не очень престижно. Другое дело-дом в центре города! Папа лишь прикрыл глаза. В спор с мамой вступать было опасно, однако мама увидела несогласие во взмахе папиных ресниц и понеслось! На этот раз я была полностью согласна с мамой. Нет, вопросы престижа меня не волнуют. Просто мой дом довольно далеко от гимназии и от домов моих подруг. Иногда, когда дороги раскисали от осеннего ненастья, извозчик не мог ехать дальше. Я выходила из пролётки и шла пешком до дома. Зимой же, мне приходится вообще пропускать уроки. Бывают месяцы, когда в нашу сторону вообще доехать было невозможно. Папа пообещал нам, что подумает над проблемой и быстро убежал в кабинет. Мне не хватает свободы. Давно прошли те времена, когда я училась в общей школе вместе с Си. Тогда у родителей не было денег на гимназию, и я была вынуждена посещать школу, в которой учителю не платили по три месяца. Кошмар! Скажу правду, слова о кошмаре и об общей школе – это стенания моей мамы. Меня вполне устраивала та школа, в которой я тогда училась, и те подруги, с которыми я дружила. А самое главное, у меня было много свободного времени! Настолько много, что я даже могла несколько раз в неделю спускаться в катакомбы. Я знаю, что моей книги в катакомбах нет, но все же надеюсь отыскать пути-дорожки, которые приведут меня к Ней. Свои поиски я не оставила до сих пор. Раз в неделю я обязательно нахожу время, чтобы спуститься вниз. Для этого мне приходится жертвовать одним из уроков. Для того, чтобы мама ничего не узнала, я все время пропускаю разные уроки, и нахожу веские причины, чтобы объяснить учителю, почему я отсутствовала. Я становлюсь, больной и злой, если мне не удаётся подышать воздухом свободы, то есть подземным воздухом.

ГЛАВА 5. ПАВЕЛ

Здравствуйте, я – Павел.

Когда я заболел Азиатской холерой, то решил, что все, мне конец! Денег на доктора нет. Если попросить помощи у сеструхи, то можно вообще оказаться на улице. Людка была нормальной девчонкой, пока не вышла замуж. Муж замутил мозги моей сеструхе, и, теперь они, на пару, думают о том, как бы им отделаться от меня. Может быть, я не прав, и моя всегдашняя подозрительность мешает мне жить спокойно, но иногда я перехватываю взгляд Людмилы. В этом взгляде столько боли и тоски... Но, вернёмся к моей болезни. Домой я прихожу только спать, да и то не каждый вечер. Когда ухожу, закрываю дверь своей комнаты на замок. На внутренней стороне двери у меня тоже несколько запоров: крючок и задвижка. Это все сделано, чтобы Людища, и ее хахаль, не подсыпали мне чего-нибудь в комнату, пока меня нет дома или не удавили меня во сне. Ну вот, опять я о том же, а хотел рассказать, как заболел холерой. Весь день я на ногах, деньги, которые я зарабатываю тем, что тайком провожу людей за границу, быстро кончаются, и я всегда в поиске заработка. Не один раз я видел людей, которые заболели холерой, признаки были налицо. Несколько раз я видел, как этих людей увозила труповозка, а потом эти люди (среди них было много моих знакомых), снова появлялись на улицах Миллионки. Я уже давно перестал удивляться чему-либо, если страх окружает тебя с утра до вечера, то ты привыкаешь и перестаёшь бояться. Те, кто возвращаются, не узнают никого. Я несколько раз пытался объяснить и выяснить, что происходит, но толку никакого не добился. У моей сеструхи есть подруга Галочка, или, как называет ее моя Людка – Галища! Девчонка она не особенно красивая, но стоит ей заговорить, и ты понимаешь, что всегда искал такую подружку. Галя девушка весёлая, умная, а что не очень красивая, ну так что же, не всем блистать красотой. У Галочки всегда было много подруг и друзей. Моя Людка не раз завидовала подруге и... Все-таки, мне сегодня тяжело собраться с мыслями, опять я растекаюсь по дереву! Короче, неделю назад Галя прибежала к нам домой в жутком состоянии и рассказала, что заболела вся ее семья, включая малолетних сестру и брата. Взглянув на девушку, я отметил, что у неё тоже вроде не все ладно со здоровьем, лицо ее пылало, глаза были красными и слезились! Я списал это на тревогу за близких. Галина пришла за помощью. Людка денег не дала. Не было бы дома ее ненаглядного Саши, глядишь деньги бы и нашлись, а так... У меня деньги были, последний раз мне уплатили за то, что провёл через границу большую группу людей. Половины денег, правда уже не было, несколько раз я ездил на конные бега и оставил там немаленькую сумму, но что-то ещё в кармане у меня брэнчалось. Галя так плакала и убивалась, что я отдал ей все, что у меня было. Девушка бросилась мне на шею и пообещала отдать мне долг, как только страшная беда минует их дом. Галя даже меня поцеловала и убежала домой. Несколько дней я ничего не слышал о Галине, Людка сказала, что после последнего раза Галя больше не приходила. Я выждал ещё несколько дней и решил, что надо навестить подругу. Дом Галины был недалеко, в нескольких переулках от нашего. Нашёл дом я без труда. Домик был красивым и ухоженным, будто и не на Миллионке стоял, однако закрытые ставни и заколоченные крест-накрест окна, делали дом угрюмым и неприветливым. На одном из окон висел криво оторванный листок. На листке было написано: «В доме холера!»

Я растерялся, если дом закрыт, то где сейчас находится Галочка? Может, где-то у дальних родственников решила перекантоваться?

Схватив за рукав пробежавшего мимо мальчишку, я поинтересовался судьбой семьи Шевкуновых, и, в частности, судьбой Галиночки.

Мальчишка попытался вырваться, а потом шёпотом сообщил мне, что вся семья, того, умерла!

Галина была ещё жива, когда ее родных сбрасывали как ненужный мусор в телегу – труповозку. Чуть позже Галю увезли в госпиталь. Больше мальчишка ничего не знал, и я отпустил его.

А сегодня я почувствовал, что заболеваю. Болела голова, кидало то в жар, то в холод. Живот болел так, будто туда плеснули огня. Можно было подумать, что у меня просто отравление, но после обеда я заметил, что у меня двоится и троеится в глазах. А это уже было не похоже на отравление. Не в силах совладать с нарастающим страхом, я выскочил на улицу, даже забыв запереть дверь своей комнаты. На улице уже было темно и улицы были пусты, как вдруг я увидел небольшую группу людей. Навстречу мне, странно изгибаясь, шли человек пять. Когда до группы людей, которые шли мне навстречу, оставалось несколько метров, я наконец понял то, что меня смущало в этих людях. Люди шли молча, не общаясь между собой. Крайней шла женщина. Когда группа людей поравнялась со мной, в женщине я с удивлением узнал Галину. Однако, когда я окликнул девушку, она скользнула по мне пустым взглядом и отвернулась. Люди хотели пройти мимо, однако я схватил Галю за рукав кофты

– Что с тобой? Почему ты не хочешь разговаривать со мной?

Однако девушка лишь выворачивалась из рук, и тянула голову в сторону людей, с которыми пришла. Мне стало обидно, вот и помогай людям после этого! У меня теперь нет денег на собственное лечение, а она, Галина, гнушается мной! Один из мужчин, пришедших вместе с Галинкой, издал звук похожий на рык. Девушка дёрнулась и попыталась снова вырваться из рук. На этот раз я не стал ее удерживать. Галя встала на то место, где и стояла вначале, и группка людей снова двинулась в известном только им направлении. Всю ночь я бегал на двор. Меня мутило, и отчаянно болел живот.

Утром я почувствовал, что теряю сознание и отрубился. Я не знаю, сколько прошло времени, очнулся я от того, что мою дверь ломали. За дверью плакала Люда и ругался ее муж. С трудом дотаскившись до двери, я попытался открыть задвижку, но сил не хватало. Я снова начал отключаться, как вдруг услышал голос в голове «Меньи, сынок, вставай, твой отец велит тебе встать и идти!». Глаза мои распахнулись и в них ударил свет. Свет шёл через щель в окне и был разноцветным. Впрочем, свет сразу же потух, как только я протянул руку к задвижке. На этот раз я открыл дверь без труда.

Возле двери стояла зарёванная Людка и ее муж Александр. В руке у Александра был топор. Сестра бросилась ко мне

– Пашка, брат, что с тобой было? Ты не выходил из комнаты двое суток!

– Хоть бы сестру пожалел, – вступил в разговор муж Люды, – не говоря уж обо мне! Ведь мы друзьями когда-то с тобой были! Мы уже все передумали... Слушай, а ты часом не больной? Коли болен, так сразу и скажи! Неужто сестру не жалко, а коли заразный ты, так что же погибать нам из-за тебя?

– Саш, ну не надо так, – попыталась встрять в разговор сестра, – видишь, не в себе он! Сдаётся мне, что даже и не понимает он, то, о чем мы говорим!

– Сейчас поймёт! – все больше распаляясь, закричал Саша, – знает же, что дитя ждём, нельзя тебе волноваться! Так нет же! Меньше бы под землёй шастал, а то наберётся всякой заразы, а потом в дом тащит! Сколько раз я предлагал ему работу в порту! Всегда при деньгах и вечером дома, так нет же!

– Сашка, – закричала Люда, – да помоги ему, видишь, падает!

Когда Павла снова уложили в постель, сестра с мужем стали совещаться.

– Что делать, что делать... В госпиталь надо его свезти, – подытожил разговор Александр, – Вчера слышал от начальства, что в госпиталь холерных берут бесплатно. Самое главное, чтобы болезнь не была запущена! Специально вчера по цехам мужик ходил и рассказывал о том, как надо беречься от холеры. Ну уж коли заболел, так тянуть нельзя... У тебя деньги есть? Пойду пролётку искать!

– Саш, ты же знаешь, нет у меня денег, приходил батя...

– Эх, Людка, Людка, добрая душа! Ну что же делать, сберёг я несколько рублей на чёрный день, да ещё несколько на рождение малыша, все сейчас и потрачу на пролётку! В госпитальную слободку ещё не всякий извозчик согласится ехать! Что же, пошёл я, а ты там Пашке приготовь бельишко... Ну, что там надо в госпиталь с собой взять?

Минут через пятнадцать Александр вернулся, однако дома его поджидал сюрприз

– Ну вот, пролётка ждёт нас недалеко отсюда! А... Что с тобой, что случилось?

Увидев растерянную жену, Саша забеспокоился всерьёз

– Может со здоровьем что? Не молчи! Я волнуюсь!

– Пашка сбежал, – давась слезами, проговорила Люда, – ты как ушел, он лежал вначале спокойно! А потом поднялся и стал обуваться! Я пошла в зал за чистым бельём для него, а когда вернулась его уже и след простыл! Ох, Сашка, что же это будет?

– Что будет, то и будет, – сжав голову, проговорил сквозь зубы Александр, – а мы все сделали, чтобы твой брат не погиб! Что же, пойду извозчику скажу, что мы не поедем никуда! Да не убивайся ты так, вернётся твой Пашка!

Мне было тяжело говорить, но я все слышал. Когда муж Людки пошёл за извозчиком, я сразу понял, что мне надо бежать! Мне стало страшно. Однако природа этого страха мне была не ясна. Какие-то слова Сашки насторожили меня и бросили в дрожь. Пытаясь вспомнить, я напряг все силы, и вдруг услышал: «Меньи, тебе надо уходить! Иди в подземный город!»

Люда подошла ко мне и погладила по голове, однако я видел перед собой не одну, бледную, с голубыми венками, руку, а целых шесть! Сестра что-то жалостливо сказала, а я вдруг услышал ещё раз то, что говорил ее муж: «В госпиталь холерных берут бесплатно!»

Голос Сашки все убыстрялся и убыстрялся, наконец, от всего предложения осталось только одно слово «...берут».

Мне было страшно! Хоть я не понимал, откуда взялся страх! Наконец я решил, что хватит пускать сопли и слюни, надо действовать! Чтобы там не было, но в госпиталь я не поеду! И живым не дамся! Людка, наконец, перестала крутиться вокруг меня, и я тихо вышел из квартиры. Сашку я увидел издали и успел спрятаться. После этого бегом припустил к катакомбам. Впрочем, силы скоро меня покинули, и последние метры я преодолел чуть ли не ползком. Я забыл фонарь, у меня не было даже спичек, но ноги сами несли меня привычным маршрутом. Два года назад я провёл в подземном городе семь дней. Со мной были Толи и... Кенрю. Где-то они сейчас? Глаза очень скоро привыкли к темноте, и я даже стал что-то видеть. Камень-птица был на месте, хотя все эти длинные два года я искал то место, где был камень. Знаю, что искал его не только я! Лена и Сяй-линь тоже не один раз спускались сюда и бродили часами.

ГЛАВА 6. ЛАРА

Я знаю, что папа не доволен мною. Каждую неделю учителя кладут на его стол отметки за неделю. Обычно это бывает в субботу. По воскресеньям мы ходим в церковь, а в субботу у нас укороченный день. Вместо шести уроков бывает только два. Я не боюсь субботы, мне только жаль папу, но по-другому я вести себя не могу. У меня хорошая память, и я запоминаю все, что объясняют учителя. Запоминаю сразу и навсегда. По средам у нас бывают опросы по всем предметам. Если бы не некоторые обстоятельства, среда была бы самым счастливым днём в неделе, и в моих тетрадях стояли бы отличные отметки. Но я этого не хочу. У меня есть две близкие подруги – София и Елена, у меня есть чудесный папа и добрая нянюшка, а ещё у меня есть... Гриша. Я не хочу, чтобы в моей жизни что-то менялось и если цена за спокойную жизнь – плохие оценки, то я готова уплатить эту цену!

Папа меня никогда не наказывает. После того, как отчёты по учёбе бывают просмотрены, папа созывает нас всех в кабинет, и коротко подводит итоги за неделю. Моё имя обычно звучит самым последним. Каждый раз я устаиваюсь лишь укоризненного покачивания головой. Раньше папа вопрошал и волновался о том, что же со мной будет в будущем, теперь же молчит, и только боль в глазах говорит мне о том, что папа страдает из-за меня. Но я на самом деле ничего не могу с собой поделать! София и Гриша для меня больше чем подружка и друг, и если... В общем, если Сонька хочет быть первой в учёбе, то пускай так и будет. А папа пускай не беспокоится, я стану все-таки кем-то! Я стану... Актрисой! Моя старшая подружка, Елена, знает о ситуации с Сонькой, знает она и том, что я могу учиться намного лучше, но лишь качает головой и хмурится! Она боится связываться с Сонькой. Вчера я помогала Елене решать задачи, моя старшая подружка очень отстала в учёбе, и ей пришлось начинать все сначала. Год назад она ещё училась по нашим учебникам. Теперь-то конечно, она и Гриша ушли далеко вперёд, но иногда возникают трудности. И мы потихоньку, чтобы не видела Соня, сидим и решаем задачи. Прошло два года, но мы с Софией по-прежнему очень похожи. У меня есть кузина, ее зовут Лидия, она на два года старше меня. Мы встречаемся с ней редко, только на семейных праздниках. Две недели назад, мы встретились с Лидией в парке, и представьте себе, она не смогла сразу определить, кто из нас двоих Лариса, а кто София. Когда все разъяснилось, Соня ходила выпятив грудь, так ей понравилась идея, что я – это она!

И все равно я люблю Соньку, и готова терпеть все ее капризы и требования, лишь бы она и ее брат жили с нами всегда. Я боюсь вспоминать то страшное время, когда нас, в моем любимом доме, жило только трое – я, папа и няня! Я с ужасом вспоминаю тот спектакль и японскую девушку. Девушку убили, а меня похитили. У японца были страшные глаза и жёлтые руки. Он приложил мне ко рту дурно пахнущий носовой платок, и мир для меня исчез! Когда я очнулась, то узнала, что меня спас Гриша. Он принял меня за свою сестру. Нашлись люди, которые гнались за японцем долго-долго и догнали-таки его! Когда я пришла в себя, то вокруг меня было много людей. Японец бился связанный, а поодаль стояли Гриша, Лена и их друзья. Потом мы все, кто был в тот день в катакомбах, заболели. Папа узнал, что я нахожусь в доме у Гриши и забрал меня домой. Гриша был без памяти, поэтому папа велел перевезти Гришу с семьёй в наш дом. Так нас стало шестеро. Бабушка Гриши и Сони очень скоро стала бабушкой и для меня. А вскоре произошло ещё одно событие, у нас поселилась Елена. А Соня... Но про Соню было уже сказано очень много, не буду повторяться.

Расскажу лучше о том миге, когда душа моя перевернулась, и я поняла своё призвание.

Тогда, два года назад, я тоже немного заболела. У меня горели глаза, и я стала плохо видеть, но в отличии от Гриши у меня все прошло довольно быстро. Однако, после того как семья Гриши поселилась у нас, меня стали преследовать странные сны. Ночь за ночью мне снился один и тот же сон. Соня меня много раз будила посреди ночи. Моя подружка говорила,

что ей страшно, она не может спать, когда со мной происходят странные вещи! Сестричка Гриши жаловалась так же на то, что я пою, читаю стихи, плачу и смеюсь, и все это ночью, во сне. А также она говорила, что когда подходит к моей кровати, чтобы разбудить меня, то в первый миг видит перед собой не меня – Ларису, а совершенно постороннюю девочку, вернее женщину. Женщина-карлица извивается во сне, хохочет и рыдает. Она, то есть я, говорит на странном языке. Мне совсем было не страшно, когда Соня рассказывала это все мне на утро. Больше всего меня интересовало, во что была одета карлица. С жадным волнением я ждала ответа Сонюшки, но меня постигло разочарование! София сказала, что карлица была одета в мою пижамку. То есть, засыпала я в своей любимой пижамке с розами, как Лара, а проснулась, как карлица. Соня отказалась тогда спать в одной комнате со мной. Меня позвали к бабушке, и я рассказала ей все, что меня тревожит, и про все сны, и про то, что иногда днём мне кажется, что я – не я, а кто-то другой! Бабушка посоветовала мне каждое утро уходить в сад, который был недалеко от нашего дома, выбрать там дерево, которое мне по нраву и рассказать дереву все, что мне приснилось! И напомнила, чтобы я повторяла этот ритуал каждое утро до тех пор, пока сны не оставят меня! Я уговорила Сонюшку не уходить спать в другую комнату, и она милостиво согласилась! Через две недели я научилась контролировать свои сны. Во всяком случае, София больше не жаловалась на меня бабушке. Постепенно сны перестали мучить меня, к дереву я теперь ходила редко, сначала раз в две недели, а потом раз в месяц! На какое-то время сны перестали вообще посещать меня, во всяком случае, наутро я ничего не могла вспомнить. Когда я вспомнила про обещание и вышла в садик, а это произошло примерно через полгода, то увидела, что дерево выросло вширь и ввысь! Оно (дерево) стояло особняком от остальных деревьев и глядело на них сверху вниз. Мне сразу же расхотелось говорить с деревом. Так мой сон и остался неразделённым. Бабушка к этому моменту уже умерла, и некому было наставить меня на путь истинный и посоветовать, как быть дальше, и что делать с вернувшимися снами! Впрочем, наверное, настала пора рассказать о том, что мне снилось. Да Цзожун, великий Ван, имел в своём подчинении пять столиц. За год Да Цзожун умудрился пожить во всех пяти столицах. Причём о том, что князь собирается отбыть, не знал никто до самого момента отъезда. Встав с ложа, Да Цзожун просто объявлял двору и челяди, что через час все должны будут отправиться в путь. О том, что кто-то не успеет собраться или оповестить близких, у князя душа не болела! Кто не успевал, тот оставался, чтобы больше уже никогда не покинуть столицу. Этот человек становился не выездным. Некоторые из дворни пользовались этим обстоятельством, но на их место быстро находились другие. Желающих ехать с князем было много. Однако у князя было чутье, и не все проходили его испытание. Вместе с князем в путь отправлялась вся семья. Конечно, в столице оставался наместник, но не всегда он (наместник) был княжеского рода. Одна из кибиток всегда была закрыта. Дворня знала, кто находится в кибитке, но держала рот закрытым. Знали об этом и члены семьи, но предпочитали не говорить об этом. Вокруг бушевали интриги, как и в любом княжеском дворе. Слухи летали, низвергая одних и возвышая других, но никто не говорил о маленькой кибитке и ее пассажире, вернее, пассажирке. В шёлковой кибитке, расшитой драгоценными камнями, сидела карлица. Кибитка была сделана из драгоценных пород дерева, рессоры закреплены и смазаны так, чтобы драгоценная пассажирка не испытывала тряски в дороге. Ибо карлица была актрисой. Князья сопредельных царств, Китая, Силу, Манжуров, отдали бы четверть царства, чтобы завладеть актрисой-карлицей. Ибо маленькая девушка была настоящей актрисой. Талант ее был такой силы, что повергал в трепет целые народы. Да Цзожун однажды с помощью Сылар, так звали карлицу, усмирил бунт. В карлице было что-то магическое. Когда она смеялась и плакала, с ней плакали и смеялись все зрители. Когда Сылар однажды заболела, Да Цзожун созвал лекарей со всего мира. Лекари не смогли определить болезнь, которая мучила любимицу князя, однако Сылар смогла излечить себя сама. Она услышала звук. Звук исходил из моря. Сылар запомнила звук и стала лечить им окружающих. Конечно, после того, как вылечилась сама. Однако,

после года применения этого звука, карлица стала расти! Все правильно, если уж лечиться, так лечиться полностью. Но мере роста талант актрисы стал медленно уходить от Сылар. Вскоре она уже не могла заинтересовать своим творчеством даже маленький пяточек людей. У Сылар остался ее дар лечить, но это уже совсем другая история.

Так вот, во сне карлицей Сылар была я.

Мне нравилось стоять одной на возвышении и видеть, как огромная площадь людей буквально замирает, ловя каждый мой вздох.

В одном из снов, я видела, как моё маленькое тело несут в тайный город. Здесь, в тайном городе, я нашла свой звук и потеряла свой талант. Город звался Чжень, и находился он на территории того места, где мы сейчас живём, где-то, под теми катакомбами, в которых я оказалась по вине японца два года назад. Впрочем, после того, как был найден звук, сны стали сниться мне реже. Последние два месяца я вообще сплю без снов.

А в апреле месяце к нам во Владивосток приехала великая актриса Вера Комиссаржевская. Папа взял билеты для всех нас. Правда, далось ему это нелегко, люди занимали очередь за билетами за неделю.

Концерты-спектакли Веры Комиссаржевской проходили в общедоступном театре Боровика, который находился на улице 1, Морской. Подход к театру преграждала огромная лужа грязи. Грязи было столько, что казалось, вступи в неё, и она засосёт тебя по пояс.

Билеты были куплены за неделю до начала спектакля. Когда папа объявил, что билеты уже у него в кармане, я думала, что не дождусь того момента, когда настанет этот день. И вот он настал, день спектакля. На спектакль пошли все. Папа даже взял билет нянюшке и кучеру Степану. Накануне Софья замучила меня. Она вытащила все, буквально все, наряды из шкафов. У нас с ней шкафы разные, но одежда общая. Общая в том смысле, что Соня может взять любую одежду из моего шкафа, но очень неохотно соглашается, когда я пытаюсь взять что-то у неё. Да я, в общем, и прошу то редко. Иногда просто нужна какая-то деталь к одежде, чтобы наряд был одного цвета. Так вот, собираться Сонюшка начала за два дня до спектакля. За эти годы я хорошо изучила свою подружку. Сонька не вредная, она... Она просто не уверена в себе. Ей все время нужно подтверждение, что она (Софья) самая лучшая. Я люблю свою подружку, как сестру, но иногда ее придирки выносить тяжело. День прошёл бессмысленно. Сонька не пускала в комнату Гришу и Лену и без конца вертелась перед зеркалом. Наряд менялся за нарядом, а Сонюшка все была недовольна. Самое удивительное было то, что ей шло буквально все. Все платья, все костюмы, все юбки и блузки. Мы действительно похожи с Софией, но одежда на нас лежит по-разному. Мне идёт не все, но те платья и костюмы, которые идут мне, тут же забирает Соня. Наконец подружка отошла от зеркала, и я вздохнула с облегчением. Значит можно кое-что выбрать и мне. Однако Сонька стояла возле меня все то время, пока я мерила вещи. Моя двойняшка стояла рядом и ревниво пожирала глазами все, что я брала на примерку. Наконец я почувствовала усталость и какое-то не свойственное мне раздражение. Я схватила первый попавшийся костюм, и повесила его в свой шкаф. Сонька вздохнула, проводив костюм взглядом, но ничего не сказала. Я села за стол, и включила лампу. В комнате стремительно темнело. Последний день перед спектаклем подходил к концу. Сонька слонялась по комнате, не зная, чем заняться. Потом крутанулась на месте и вышла из комнаты. Не знаю, сколько времени ее не было, но влетела она в комнату в тот момент, когда я сидела, погружившись полностью в книгу. Я читала книгу Лидии Чарской. Книги этой писательницы завораживали меня. Вбежав в комнату, София резко остановилась и закричала:

– Ларка, что ты сидишь? Побежали на улицу! Там такое! Там драка, стенка – на стенку! Парни с Каторжанки дерутся с парнями из Матросской слободки!

Соня обожала драки и ссоры. Мне же всегда были отвратительны красные и тупые лица тех, кто участвовал в уличных драках.

– Нет, Соня, я не пойду! Ты же знаешь, что я не люблю, когда дерутся!

– А я говорю, пойдём, – засмеялась Соня, – а ещё сестрой меня зовёшь! А когда сестра тебя о чем-то просит, ты всегда отказываешься! Вот, что ты делаешь? Читаешь? Бери пример с меня! Я ничего не читаю, но все равно учителя меня хвалят больше, чем тебя! – подружка подскочила и вырвала у меня книгу, – или ты хочешь, чтобы тебя хвалили больше, чем меня? Не получится! Потому что я умнее тебя, и учителя меня больше любят!

Я потянулась за книжкой, но Соня залезла на стол и дразнила меня оттуда. Вот за это я не люблю подружку! В такие минуты она становится жестокой! Когда я ей об этом говорю, она обижается и говорит, что я просто не понимаю шуток. Вот и сейчас, шутка зашла на столько далеко... В какой-то момент мне показалось, что я дотянусь до книжки, но София подняла книгу ещё выше, а потом просто бросила ее в камин. С утра было сыро, и папа велел чуть протопить комнаты. Бросив книгу, Соня притворно расстроилась:

– Ну вот, такая хорошая книга была! Что же, ты сама виновата! Не надо было так неловко играть со мной! Ну что, пойдёшь на улицу?

– Нет, – мне было больно и обидно, но я старалась не показывать свою слабость, – я ещё математику не сделала.

– Ну-ну, – опять засмеялась Сонька, – решай задачки! Все равно я получу лучшую оценку!

Соня убежала на улицу, и в комнате, наконец, стало тихо. Как только стихли шаги подружки, я поднялась на крытую галерею. Открыв дверь, я тихонько заглянула. Несколько раз я заставала за беседой Гришу и Лену. Им нравилось уединяться здесь. А я не люблю, когда при моем приближении замолкают. Однако сегодня здесь никого не было. На северной стороне галереи стоял шкаф. Папа купил мне несколько экземпляров книг Лидии Чарской. У меня добрый и умный папа. Когда я попросила купить три экземпляра «Княжны Джавахи» и «Сибирочки», папа даже не стал ни о чем спрашивать. Он просто выполнил мою просьбу. И теперь, когда на Соньку нападает странное и злое настроение, которое кончается гибелью очередной книги, я просто поднимаюсь на галерею, и беру другой экземпляр. Расправившись с книгой, Соня никогда не интересуется последствиями. Ее не удивляет новая книга в моих руках. Мне кажется, что она даже не помнит о том, что сделала! Впрочем, на моё счастье приступы ярости у Соньки бывают редко, раз в три месяца, иначе жизнь была бы просто невыносимой!

Вернувшись в детскую, я снова погрузилась в книгу. Огонь из камина тихонько озарял комнату, в комнате было тепло и тихо. Вот так и кончился день перед спектаклем.

Следующий день был суматошным и напряжённым. Волновались все, даже няня и Гриша. Наконец подали экипаж, и мы поехали. Спектакль был вечерним. Улица перед театром была запружена людьми и экипажами. Хорошо, что мы выехали заранее. Спектакль начался на полчаса позже. Ждали градоначальника и его семью. Наконец места в первом ряду были заняты, и занавес поднялся. Между тремя действиями было два антракта. Когда было окончено первое действие, до меня в антракте ещё можно было докричаться. После второго действия я находилась в каком-то умопомрачении. Когда окончился спектакль, я никак не хотела уходить. Я цеплялась за кресло и мотала головой, отрицая тот факт, что уже, увы, все закончилось! Впрочем, я одна оказалась под гипнотическим воздействием великой Веры. Папа был рассеян и о чем-то думал. Нянюшка дремала. Степан ещё во время второго антракта ушел, чтобы проверить как там лошади! Елена и Гриша все время шептались. Соня молчала, однако я одна из всей семьи знала цену ее молчанию. А также я знала, что последует за ее молчанием. Сонька злилась! Никто не обращал на неё внимания, не говорил, как хорошо сидит на ней вечерний костюм и как к лицу ей серьги! Подозреваю, что во время овец, она люто ненавидела Веру Комиссаржевскую. Я же... Вера вышла на бис, долго кланялась, а потом начала читать моно-

лог. И тут мне показалось, что я вдруг оказалась в одном из своих снов. Только вместо карлицы Сылар на возвышении стояла великая Вера и управляла душами и мыслями людей. Зал неистовствовал. Овации следовали за овациями. На сцену все несли и несли корзины с цветами. Равнодушных было мало, зал ревел и бесновался! В едином порыве все зрители плакали и смеялись. Никогда я не видела такой блистательной игры. Игра Комиссаржевской звала душу к чему-то запредельному! Мне было страшно думать, что монолог сейчас кончится, и я опять вернусь в серые будни. Рядом крутилась на кресле Сонька. Однако и она постепенно подпадала под власть искусства Веры. Перестал думать свою тяжёлую думу папа, проснулась нянюшка и со страху чуть не упала с кресла! Перестали хихикать и перешёптываться Гриша с Леной. В едином порыве все замерли, вслушиваясь в голос великой актрисы. Казалось, позови она за собой, и пойдёт весь зал за ней не раздумывая. Не важно, к злым делам воззвала бы Вера или к добрым, под гипнозом глубокого и проникновенного голоса зрители перестали отделять действительность от того, что происходило на сцене.

ГЛАВА 7. СИ

Невидимая рука листала страницы с бешеной скоростью. Страницы веером перелистнулись сначала влево, а потом вправо. Так продолжалось минуты три. А потом все стихло так же внезапно, как и началось. Напоследок раздался треск, и книги распались на две половинки открывшись ровно посередине. Книги приглашали и предлагали, наконец, начать чтение. Можно было двигаться к концу книги, а можно было перелистывать книгу, пока не доберёшься до начала. И так, книги, которые Настя увидела под впадиной Баоань, вдруг начали свой рассказ. И рассказывали они о ближайшем будущем. Однако не это поразило девочку. Чего-то похожего она и ожидала от книг, лежащих на хрустальных подставках. Ее поразило совсем другое. Текст каждой из книг мог бы показаться совершенно одинаковым, если бы не одно обстоятельство. Одинаковыми были лишь первые страницы книг. Предполагалось, что тоже самое будет и с остальными страницами. Однако это было не так. Девочка взялась за кончик второй страницы и уже почти перевернула ее, как вдруг послышался гул. Си повертела головой и увидела, что ступки и жернова вдруг заработали. Удивительно, но Си не испугалась. Однако девушка не торопилась подходить близко к работающим агрегатам. Закончив невидимую глазом работу, ступки и жернова снова остановились. Настя решила перевернуть ещё одну страницу. Как только страница была перевернута, жернова со ступками опять заработали. Си отошла от книги и подошла к огромным кругам. Жерновами и ступками никто не управлял. Они работали сами по себе, и начинали свою работу, видимо, только тогда, когда лист был перевернут.

У каждой ступки было отверстие. Стоило странице перевернуться, как из отверстия начинал толстой струйкой сыпаться хрустальный песок. Песок был прозрачным и блестящим. После того как ступки и жернова переставали работать, переставал сыпаться и песок. Через некоторое время, возле каждой из ступок, на земляном полу, лежал нарисованный песком иероглиф. Восемь книг – восемь хрустальных подставок – восемь ступок с жерновами и восемь написанных хрустальным песком иероглифов. Иероглифы были разными. Текст на первых страницах был одинаковым, а вот иероглифы, написанные песком – разными. Все восемь иероглифов были предсказаниями. Разными предсказаниями. Настя с большим трудом разобралась в ситуации. Но когда ей стало все понятно, выяснилось, что получается интересная картина. Восемь иероглифов предлагали восемь разных предсказаний. Предсказания касались именно Насти. Переходя от одного предсказания к другому, девочка лишь с удивлением качала головой. Что же, это могло бы показаться забавным, если бы книги не подталкивали девочку к выбору. Каждое предсказание начиналось со слов: Послание повелительнице Книги. Одно из предсказаний сулило девочке смерть. Согласно этому предсказанию, в ночь убывающей луны Настя должна была находиться вне любых помещений. То есть в доме или квартире ее ждала смерть. Предсказание, выложенное второй струйкой песка, обещало девочке встречу с будущим. В этом случае Анастасия не должна была открывать шторы и просидеть целую неделю дома. Третье предсказание дарило надежду на возвращение домой. И в этом случае иероглиф-предсказание давал точный рецепт того, как добиться, чтобы предсказание превратилось в явь. Четвёртое предсказание было столь туманным, что Настя, так и не смогла добраться до его смысла. Пятое предсказание сулило встречу с отцом. Это было одно из предельно ясных предсказаний. Шестое предсказание обещало помочь Насте, если она захочет открыть тайну. Какую тайну, предсказание не разъясняло. Седьмой иероглиф обозначал пустоту. Девочка обошла ступку, жёрнов и сам иероглиф несколько раз, но так ни до чего не додумалась. Восьмой иероглиф обещал все исправить и помочь начать сначала. Девочка постояла возле иероглифа, но ничего не изменилось. Не было никакого толкования, и девочка решила, что иероглиф может вернуть ее в тот миг, когда она выбрала неверный путь, и ее

жизнь пошла кувырком. Девочка долго бродила от иероглифа к иероглифу, но так и не решилась ни на что. Выбор ей сделать придётся, но она предпочла бы, чтобы это произошло как можно позже. А ещё лучше было бы, если бы этот выбор сделал кто-то за неё. Пока же Си смогла только решиться на то, чтобы перелистнуть страницу. Снова возник гул. Иероглифы изменились, предсказания теперь предостерегали и обещали совсем иное. Так было перелистано 12 страниц. После этого книга захлопнулась. Постояв на месте, Настя снова открыла книгу на первой странице, и все началось сначала. В конце концов, девочке стало ясно, что одна страница-это один месяц. Есть восемь вариантов того, как прожить этот месяц. Сейчас был июнь, то есть шестой месяц. Значит нужно открыть шестую страницу и узнать восемь вариантов своей судьбы в этом месяце. Однако на этот раз варианты судьбы не желали совпадать с теми вариантами, которые были в первый раз. Девочка начала уставать. Оглянувшись, она увидела неприметную дверцу, которая сливалась с каменной стеной. Чуть замешкавшись, девочка двинулась по направлению к дверце. Настя думала, что ей тяжело будет открыть дверь, однако она (дверь) распахнулась от первого прикосновения. Комната озарилась светом, лишь девочка вошла. Масляные светильники, расположенные по кругу, вдруг вспыхнули и осветили все вокруг. В комнате ничего не было. Лишь на полу лежало огромное блюдо. Середину блюда занимали восемь маленьких предметов. Приглядевшись, Си увидела, что это кольца и перстни. Были старые кольца, почерневшие от времени, были совсем новенькие, блестящие, будто только сошедшие со станка ювелира. Перемерив все кольца и перстни, Анастасия пришла к выводу, что комната и перстни не несут никакого смысла. Задумавшись, девочка и не заметила, как все восемь пальцев рук оказались заняты украшениями. Лишь два пальца остались не окольцованы. В какой-то момент кольца стали сжиматься, и Настя почувствовала боль. Но боль быстро прошла. Но пальцы перестали повиноваться девочке. Перстни и кольца были созданы, чтобы предсказывать. Не судьба Насти была объектом предсказания на этот раз, но девочка вдруг испугалась. Собственное будущее она разглядывала спокойно, но будущее дорогих людей пугало. Каждый палец, увенчанный ободком, по очереди писал своё предсказание. Лишь мизинцы не участвовали в этом. Девочка села прямо на пол. Когда предсказания были написаны, она встала на ноги и, чуть подумав, тряхнула кистями рук. Перстни и кольца посыпались на пол. Подобрав ободки-предсказатели, Си аккуратно сложила их в блюдо, и вернулась в зал со ступками. Узнав то, чего, в общем, не желала знать, девочка вдруг задумалась и попыталась вернуться на берег реки, но у неё ничего не получилось. Пройдя несколько шагов, Си заметалась, но потом опять остановилась. Лишь только зазвучали ее шаги, как книги снова закрылись, а потом заново открылись. Подойдя к одной из книг, Настя увидела, что открылась девятая страница. Однако Си уже очень устала, и ей не хотелось больше предсказаний и предчувствий, но другого способа вернуться на берег, к сожалению, не было. Что-то изменилось. Девятая страница была открыта, а жернова и ступки были неподвижны. Наклонившись над одной из книг, Настя увидела, что на девятой странице нет текста. Вместо текста был рисунок. На странице была нарисована рука. Рука лежала на странице из книги. Страница была сделана из стекла. Стекло расплавилось, и рука оставила оттиск. Казалось, что стеклянный лист плавится под жаром руки. Си сразу смекнула, о чем говорит рисунок. Не долго думая, она приложила руку к странице с рисунком. Ладонь руки сразу нагрелась. Настя отёрнула руку и поднесла к глазам. О, ужас! Линии на руке менялись на глазах. Когда все было кончено, Си осторожно потрогала изменённые линии руки. Больше ничего не случилось. Никто не бежал с разъяснениями, никто ничего не писал. Линии поменялись, но толкователя не было. Шли секунды. Вдруг девочка услышала, как что-то стукнуло. Она резко обернулась. Каменный потолок стал осыпаться. Вернее, осыпаться стал стык между стеной и потолком. Камни все падали и падали. Они были всякими, мелкими и крупными. Каменная осыпь увеличивалась подползая к ногам девочки. Упал последний камень и стало тихо. На том месте, откуда выпали

камни, образовалось отверстие. «О, нет, – подумала девочка, – я не буду туда заглядывать! Я боюсь и не хочу!»

Однако, когда последний камень подкатился к ее ногам, она поняла, что уже все предопределено. Она боялась, что горка из камней рассыплется под ее ногами, однако камни спрессовались, и девочка легко поднялась на каменный холмик и заглянула в отверстие. Узкий коридор вёл куда-то наверх и в сторону. Си вздохнула и, подтянувшись на руках, вползла в отверстие. Ползла она долго. Наконец коридор повернул налево, и лаз стал более широким и пологим. Вскоре Настя смогла подняться на ноги и пойти. И вот ее короткое путешествие окончилось. Она стояла на стеклянном полу. Пол был прозрачным. Было хорошо видно то, что находилось ниже уровня пола. Под ногами Анастасии лежал огромный город. Этот город был похож на тайный город Чжень, и всё же в нем было много отличий. Город Чжень был пуст, а город под впадиной Боань имел своих жильцов. Однако эти жильцы спали вечным сном. Перед Настей были четыре комнаты. Они были перегородены, но имели общий выход. Девочка сразу узнала ложе, на котором спал вечным сном какой-то человек. Она читала в Книге об этой комнате – это была комната вечного покоя. Голова девочки закружилась, и она услышала в голове тихий голос. Голос произнёс одно слово. Это было название цивилизации. Великой цивилизации. Цивилизация породила первых китайских императоров, однако сама канула в вечность. Человек, который спал вечным сном на ложе покоя, был императором страны Туаук. Си вспомнила все, что читала о царстве Туаук в Книге. Императором выбрали человека, который был смертельно болен. А так как болели в этой стране очень редко, то и смертельно больные люди были крайне редки. Человек, которому оставалось мало ходить по земле, был избран и возвеличен, он правил до тех пор, пока не выздоравливал или не умирал. Гробницы были устроены так, чтобы каждый новый император знал, что его ждёт в скором времени. Си наклонилась и увидела на стеклянном полу множество оттисков ладоней. Она попыталась распрямиться и уже почти поднялась, но одна из рук уперлась в стеклянную стену, и вскоре Настя уже стояла перед погребальной комнатой. Однако комната вдруг поехала вниз, будто лифт вызвали на первый этаж. Стены комнаты стали прозрачными, и девочка увидела, как мимо неё проплывают одна за другой погребальные комнаты. «Хороните своих мертвецов, – услышала она пронзительный голос у себя в голове, – хороните! Или мёртвые похоронят вас!» Погребальные одежды мёртвых были в золоте и драгоценностях. Пол был усеян шариками нефрита. Наконец стеклянная комната перестала двигаться. Осторожно переставляя ноги, Си подошла к мёртвому хозяину комнаты. Впрочем, это могла быть и хозяйка. Нередко императорами становились и смертельно больные женщины. Маска, закрывающая лицо того, кто спал вечным сном, была двухсторонней. Правая половина была из серебра, левая – из нефрита. Си подняла маску. Ей стало дурно. Под маской лежала женщина. Ее лицо было свежо и безмятежно. Казалось, что женщина просто спит. У женщины было лицо Кан-ин, матери Енеко и Токагавы. Испугавшись, Си хотела положить маску на место, однако ее рука с изменёнными линиями жизни вдруг нагрелась. Маска начала плавиться. Сначала расплавилось серебро, потом размяк и потёк нефрит. Несколько секунд и возле ног девочки оказались две лужицы из серебра и нефрита. Оказавшись на полу, лужицы сразу застыли, а женщина встала с ложа и звучным голосом произнесла:

– Благодарю тебя, дитя моё! Ты возродила этот час. Дай мне свою руку!

Си подала руку, ей не было страшно, просто сон, который она когда-то видела, начал превращаться в явь.

– Да, твоя рука переродилась. Линии горят и плавят! Ты разбудила меня, но это ложе должно быть занято! Кто сейчас император?

– Я не знаю, – ответила Си, – я не китаянка!

– Я вижу сама! Страной правила женщина, ее звали Цыси. Величие ее было настоящим, но наречение, мнимым. Она была опекуном императора, но правила сама. Правила, не спра-

шивая Слово у того, кого опекает! У того, кто зовётся сыном Неба. Она была императором, но уже помещена в императорскую усыпальницу, и я скоро уступлю ей это ложе. Я стану женой того, кто будет следующим правителем Китая. Он будет жить в Запретном городе, хоть и не будет иметь статус императора. К тому моменту империя падёт и императоров в Китае больше не будет. Однако это будет позже. Так что же ты делаешь здесь? Ты жива и не имеешь смертельной болезни, что привело тебя?

– Я не знаю, – прошептала Си, – похоже, книга ошиблась!

– Нет, книги никогда не ошибаются! Они всегда выбирают точно. Я стала императрицей тоже благодаря книгам. Дай мне ещё раз посмотреть на твою руку

Женщина взяла ладонь Си, но обожглась и вдруг заплакала. Слезы хлынули потоком у неё из глаз. Слезы лились и лились, и Си увидела, что вода из слез уже образовала небольшое озеро. Вода прибывала очень быстро и дошла ей уже до колен. Девочка попыталась отойти на более сухое место, но вдруг обнаружила, что стоит снова на берегу. Река вздулась и разлилась. Она смыла все, что принесли дети семьи Чжан для Насти. Пришел август. Начиналось наводнение. Ветер рвал деревья, и прижимал траву к земле. Настя пропустила два месяца из своей жизни и даже не заметила этого.

ГЛАВА 8. ЛЕНА. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Я скучаю по маме. По папе тоже скучаю, но по маме – особенно! Я помню запах ее волос, помню голос. Помню сказки, которые она рассказывала мне на ночь. Помню все пословицы и поговорки, рассказанные к месту и к не к месту. Однако те истины, которые мама пыталась мне вбить в голову, которые повторяла мне день за днём, не привились и не запомнились. Вот такой у меня странный характер. Душа противится наставлениям, даже самым полезным. Даже маминым. Однажды я уже пренебрегла мамиными наставлениями и жестоко поплатилась за это! Это было тоже два года назад. Пробыв несколько дней в тюремном заключении, я вышла за пределы улицы Тюремной и тут же попала в другое заключение. Только на этот раз мои тюремщики были не столь снисходительны. А все произошло из-за того, что я забыла мамино напутствие. Мама много раз говорила мне, чтобы я никогда не принимала решения, стоя на перекрёстке дорог. Каждый раз я кивала маме и тут же благополучно забывала про мамин совет.

Дело было так. После спектакля с участием Веры Комиссаржевской, Сонька распоясалась настолько, что даже кроткая Лара стала терять терпение. Не зная на ком выместить свою досаду и неприязнь, Соня попыталась чем-то уколоть повариху Дашу, но горничная Светлана – подруга Дарьи, тут же поставила Софью на место. Обнаружив, что Даша сегодня защищена и не подвластна ее острым зубкам, Сонька решила поискать жертву среди домашних. Наблюдая за метаниями Гришиной сестры, я предполагала, кого она выберет жертвой. Эта история повторялась не раз и не два. По меркам нянюшки, я уже взрослая девица и негоже мне обижать маленьких. Конечно же, я не могла спорить и обижать Ларису и Софию. Коварства Соньки хватило бы на целый взвод придворных дам Версаля. Фантазии этой маленькой девочки были неистощимы. Она никогда не повторялась. Ее каверзы были неожиданными и где-то даже... остроумными. Я бы с удовольствием посмеялась над ее приёмами и подколками, если бы объектом этих злобных шуток не была бы я сама. В общем, понимая, что грядёт буря и меня ждёт опять какая-то изошрённая каверза, я предпочла уйти из дома не дожидаясь того момента, когда замысел злобной девчонки увенчается успехом. Побродив по улицам и изрядно замёрзнув, я поняла, что меня ждут только в одном месте. У кого-то все дороги ведут в Рим, у меня же другой путь. Любая дорога ведёт меня по кругу и выводит в подземелье. Я замёрзла и устала, но меня ждал приятный сюрприз; я нашла дорогу к камню-птице. Или дорога нашла меня. Это уже была победа! И не важно, что проход по-прежнему перегораживала каменная стена! Главное, что камень нашёлся! Боясь того, что место, которое я так долго искала, опять исчезнет, я подстелила кофту и села прямо на землю около камня. Я не знаю, сколько времени прошло, вероятно, я задремала. Проснувшись от света фонаря и вначале даже не испугалась. Решила, что это проделки Соньки. У меня глаза устроены таким образом, что мне ночью, и вообще в темноте, свет не нужен. Он мне даже мешает. Соня знает это и часто пытается подловить! Если меня ослепить в тот момент, когда я сплю, потом я долго не могу смотреть на дневное небо. Неделями я хожу, уткнувшись глазами в землю. Нянюшка Лары называет меня за это гордячкой! На моё счастье я проснулась ещё до того, как люди с фонарём подошли ко мне вплотную, иначе не миновать бы мне беды! Слух, зрение, обоняние – все это обостряется, когда я нахожусь под землёй. Люди тихонько переговаривались и голоса говоривших показались мне знакомыми. Я ещё не видела тех, кто говорил, однако сердце и память тут же пришли на помощь. Я знала, что те, кто приближается, не были врагами. Более того, голоса, звучавшие все ближе, были близкими и такими родными. Ко мне приближались мужчина и мальчик. Шаги тех, кто нёс фонари, были неуверенными, однако я не сомневалась, что вскоре я буду не одна. Камень-птица притянул ещё двоих. Тогда я не знала, что первым, вновь обнажившийся камень, нашёл Павел. Помня о том, что не все умеют видеть в темноте так же как я, я решила

предупредить друзей о том, что я здесь. Не долго думая, я свистнула. Повисла тишина, шаги смолкли. Потом неуверенный голос донёлся из темноты:

– Это кто? Кто тут?

Голос говорившего дрожал, но слова были сказаны без акцента

– Это я, Лена!

– Лена, это правда ты?

– Да, это я! А ты... Толи?

– Лена, я Толи! Мы идём к...

Голос говорившего вдруг утих. Послышался шёпот. Спутник Толи вероятно думал, что говорит тихо, но я-то все слышала!

– Если ты Лена, – после продолжительной паузы проговорил Толи, – то скажи, что оставил тебе на временное хранение мой дядя, Кенрю?

– Зеркало. Толи, в тот момент, когда зеркало было отдано на временное хранение мне, тебя уже в городе не было. Ты уехал в Японию, и отдал зеркало мне твой дядя Кенрю. Если не ошибаюсь, он стоит рядом с тобой. И велит задавать секретные вопросы. Не бойтесь! Это действительно я! Идите ко мне! Вас ждёт сюрприз!

Однако сюрприз ждал не только дядю и племянника! День сюрпризов продолжался.

– Лена, мы правильно идём? Тут несколько коридоров, как бы нам не потерять тебя!

– Нет, не потеряете! Я уверена, что все коридоры заканчиваются тупиками! Стоит вам попробовать, и вы убедитесь в этом! Но вы же не будете сворачивать? Идите прямо!

– Мы не будем сворачивать! Ты только говори, и мы будем идти на голос!

– Толи, я хочу попросить вас! Потушите, пожалуйста, фонарь! Мне очень больно! Глаза не выдерживают света!

– Хорошо! Однако судя по голосу, до тебя ещё идти и идти, как же ты видишь свет?

– Так же, как ты слышишь мой голос! Я уверена, что твой дядя удивлён тем обстоятельством, что ты слышишь мой голос, а он ещё нет!

– Ты права! Скажи, уже надо гасить фонарь?

– Да, вы совсем близко от меня! Сейчас я... Боже мой! Этого не может быть!

– Лена! Что случилось? Отзовись! Лена!

– Я... Дайте отдышаться! Боже мой, мы два года искали этот путь! И вот теперь я его вижу!

– Лена, о чем ты говоришь! Ты... Пожалуйста, побереги себя! Мы не для того приехали в этот город, чтобы снова растерять друзей!

– Вас ждёт сюрприз! Вы, приехали... Боже мой, это произошло сейчас! Вы приехали и... Толи гасите фонарь! Теперь вы дойдёте до камня и без фонаря. Погасите фонарь и постойте несколько минут без движения. Закройте глаза и зажмите уши! Через несколько минут вернитесь в обычное состояние и идите ко мне! Фонарь вам больше не будет нужен!

Не прошло и пяти минут как друзья увидели друг друга. Вернее, первой увидела друзей Лена. Для Кенрю девочка была лишь силуэтом, камень-птица тускло освещал каменистую землю, неровный свод и девочку. Толи видел все отлично, но не говорил об этом дяде. Ему было стыдно, что он так далеко слышит и видит, а дядя – нет. Впрочем, Кенрю это обстоятельство не смутило. Спустившись под землю, он вдруг обрёл дар, которого не было у Толи. У Кенрю усилилось обоняние. И произошло ещё кое-что. Мужчина узнал то излучение, которое шло от девочки. В подземелье у Кенрю открылся дар узнавать людей по теплу, которое шло от них. Впрочем, сейчас все эти премудрости были не к чему. Достаточно было услышать низкий голос Елены, который невозможно было подделать, чтобы понять, что время разлуки миновало. Лена плакала и ошупывала руки друзей. Перескакивая с пятого на десятое, она пыталась рассказать друзьям все то, что произошло за два года. Закончила свой рассказ девочка на возвышенной ноте:

– А сейчас сюрприз! – Лена показала друзьям то, что по ее мнению было сюрпризом
Повисла тишина. Потом Толи неуверенно проговорил

– Ты куда показываешь? Если я что-то помню, то здесь находится первый уровень!

– Толи, – встрепенулся Кенрю, – разве ты забыл? Я же тебе рассказывал! После того как уехала из города Си, закрылся второй и третий уровень, а после того как ты был вынужден срочно уехать, закрылся и первый, впрочем, я же не был здесь без тебя и обо всех этих изменениях я знаю только из рассказов наших друзей!

– Так, – разочарованно проговорила Елена, – похоже, сюрприз не получился!

Я не учла одну мелочь! Ну что же, значит то, что открылся первый уровень, это никакой не сюрприз! Это закономерность!

– Лена, – взмолился Толи, – я ничего не понимаю! Не могла бы ты мне все объяснить! И если можно, говори помедленнее. Конечно, русский язык для меня является родным языком, но все-таки, ты должна учесть, что я два года отсутствовал.

И Лена все объяснила. С уходом Си и отъездом Толи дороги к городу Чжурчжэней просто исчезли. Закрылись все три уровня, даже камень-птицу найти было невозможно. Тоска по друзьям разъедала сердца оставшихся в городе. Редкие встречи не дарили радости. Друзья остро чувствовали пустоту. Енеко, Кенрю, Си, Толи – эти имена вызывали горечь и тоску по недолгим дням единения и дружбы.

– Прости меня, – грустно покачал головой мальчик, – дядя что-то мне рассказывал о том времени, но мне было и без того скверно, и, наверное, поэтому, я старался думать о чудесном городе так, будто он рядом. Я знал, что дороги к городу закрылись и в то же время... не знал.

– Вот я и говорю, – засмеялась Лена, – сюрприза не получилось! Когда сюда придёт Сяй-линь для неё все это, начиная с камня-птицы, будет приогромнейшим сюрпризом! Она первая обнаружила, что каменная стена перегородила все проходы и сильно негодовала! А уж злилась она так, что будь с ней в тот момент ее сила, она бы просто разнесла все в клочья!

– Однако, – вступил в разговор Кенрю, – сюрприз все же получился! Разве наша встреча не сюрприз? На мой взгляд – это самый желанный сюрприз!

– Да, – согласилась Елена, – Кенрю, ты как всегда прав! Ну вот, мы и на месте! Будто и не было этих двух лет! И все как прежде!

– Нет, – закричал Толи, – посмотри! Все не так! Что произошло?

– Толи, Толи, успокойся, – Кенрю схватил за рукав племянника, – прекрати, тебе не откапать тайный город! Этого не смогут сделать, и все жители Владивостока! Я же тебе уже все объяснял! Неужели ты не понял!

– Дядя, – закричал Толи, размазывая грязными руками слезы, – перестань! Сейчас не время для загадок! Если ты мне сейчас не скажешь, как спуститься к городу, я... Умру! Я просто умру!

– Толи, – Лена взяла друга за руку, – я тебя умоляю! Успокойся! Твои эмоции бьют меня! Мне так больно, что нет сил терпеть! Ты забыл, что наши способности усиливаются здесь, под землёй, в тысячу раз!?

– Прости, – понурился мальчик, – просто, когда я увидел ровную землю над тем местом, где был проход, я...

– Вот, вот, а теперь представь, каково было нам все эти двадцать четыре месяца!

– Племянник, – Кенрю попытался встряхнуть мальчика, – ты потомок самураев, а ведёшь себя... Как... Как...

– Как человек, побывавший в тайном городе Чжень, – подытожила Елена, – Кенрю не ругай его! Неужели ты не испытываешь досаду и тоску?

– Я... Да, мне хочется так же, как и Толи, голыми руками копать землю! Но я... Я умею держать себя в руках!

– А я не умею! – обречённо проговорил мальчик, – но я научусь!

ГЛАВА 9. ТЕНИ ИЗ ПРОШЛОГО

Мы проговорили с Толи и Кенрю несколько часов. Наконец бурчание в желудке подсказало мне, что я безумно голодна, и мы пошли по направлению к выходу. Выбравшись на поверхность, я порадовалась тому, что на улице уже вечер. Солнце уже почти село, однако глазам все равно было больно. Мы договорились встретиться завтра. Ведь я ещё не видела Енеко. Кенрю предложил проводить меня домой, но у меня были дела и дойдя до перекрёстка мы расстались. Передо мной лежало несколько дорог. Я могла навестить бабушку Маню, нашу бывшую соседку. Могла отправиться на Посьетскую, к родственникам, наконец, могла вернуться в то место, которое считала сейчас своим домом. В какой-то момент я испытала ощущение, что это уже все было. И этот перекрёсток, и необходимость сделать выбор. Мысли метались, ноги же, наоборот, отказывались нести меня дальше. Я остановилась. На перекрёстке. В сумерках. Недалеко от подземелья. И тут же услышала голос. Голос был женский, даже девчоночий и был смутно знаком.

– О, кого я вижу! Лелька! Сестра, почившая! – возле меня остановилась девушка, – значит вот ты как! Папаня в тюрьме, мы в бегах, а ты в шелках и довольстве?

Я онемела. Девушку я не узнавала, а вот голос был до боли знаком.

– Что, не узнаешь? – девушка улыбнулась, – Эх ты, сеструха я твоя, Катька!

Я действительно не узнала Катю, и не мудрено, за два года сестра изменилась до неузнаваемости. Три передних зуба у неё отсутствовали, от губы до подбородка тянулся шрам. От девушки тянуло перегаром и... И самое главное было то, что за два года Катя очень выросла. Вероятно, она пошла в маму, папа то у неё был не очень высокий. Кого-то высокий рост крашит, чего нельзя было сказать о моей младшей сестрёнке. В детстве Катя была миловидной малышкой, сейчас же в ней не осталось ничего, что напоминало ту девочку. Катя не была красивой и видимо знала это. Дополняло картину выражение угрюмости и злобы на весь белый свет, которое добавляло свои краски в облик девочки.

– Ну, что молчишь? Гнушаешься? А благодаря кому я стала такой? Не догадываешься? Мамка запила после того, как твой папаня обвинил ее в твоей гибели! Так и пьёт! Папка Андрейка в тюрьме. Хоть братик родненький ещё со мной! Эй, братик, иди сюда, на сестричку, сгоревшую заживо, погляди!

Понимая, что ничего хорошего меня не ждёт, я оглянулась. Приближался час икс, и на улицах Миллионки почти не осталось людей. Банда подростков, да я, вот и все жители города, которые стояли в этот час на улице. Вот когда я пожалела о том, что отказалась от приглашения Кенрю и Толи, но было уже поздно. Дружки Катьки и ее брата подошли ближе. Их было человек пять. Был момент, когда я ещё могла убежать, но этот момент настал и прошёл. Я молчала, думая о том, что предпринять, Катька же подошла ко мне вплотную.

– Думаешь, мы случайно здесь встретились? Как бы ни так. Мы ждали тебя. Следили от самого дома до входа в катакомбы.

Я похолодела. Опять проклятый перекрёсток, опять дядя Андрей и его семья. А Катька тем временем продолжала.

– А что ты там с япошками делала? Сейчас городского кликнем, сдадим тебя в участок, как шпионку!

– Никого ты не кликнешь, – проговорила я, пятясь к катакомбам, – городской тебя в первую очередь в участок сволочет!

– Ребята, чего тарашитесь, не видите, что ли, она пытается вернуться в катакомбы! Перекройте ей путь!

Мальчишки тут же взяли меня в круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.